

АЛЕКС БЭТТЕР

МАРКСОЛОГИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ПРОТИВ
ФОРМАЦИИ

Алекс Бэттлер — известный в России под псевдонимом Олег Арин — канадско-американский ученый, чьи интересы охватывают широкий спектр общественных и естественно-научных дисциплин. Бэттлер — автор ряда законов и закономерностей в области философии, социологии и теории международных отношений.

Многочисленные курсы лекций, прочитанные автором в СССР/РФ, Канаде, Китае и Японии, начиная с 1974 года, охватывают следующие темы: Россия в 20 веке; советская/российская внешняя политика после 1917 года; современная Россия (политика, экономика, безопасность); международные отношения в Восточной Азии; внешняя политика США, Японии и Китая в Восточной Азии; теория внешней политики и международных отношений; история политической мысли; сравнительное страноведение.

Персональный сайт — www.olegarin.com
YouTube — ОЛЕГ АРИН / АЛЕКС БЭТТЛЕР. Миры и реальность

АЛЕКС БЭТТЕР

МАРКОЛОГИЯ:

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПРОТИВ ФОРМАЦИИ

SCHOLARICA
2024

ББК 66.3

Б 97

Бэттлер Алекс (Battler Alex)

Марксология: Цивилизация против Формации. — Издательство Scholarica, 2024. — 136 стр.

GGKEY:1U2YDPTC4PY

Эта книга является частью крупной работы А. Бэттлера, которая названа автором «Марксология». В книге анализируется ключевая категория марксизма — Формация. После распада СССР противники марксистской идеологии подвергли жесткой критике всё учение марксизма, сконцентрировавшись именно на категории Формация, — категории, которая фиксирует поэтапное развитие человечества, определяет политику и практику государств.

Широко внедряемый антимарксистами термин «цивилизация» ни российские, ни западные ученые не смогли вывести на понятийный уровень, не смогли определить ни параметры, ни критерии этого размытого термина. Бэттлер убедительно показал несостоятельность подобных попыток. Попутно автор показывает сознательные искажения антимарксистами текстов Маркса и Энгельса, в том числе и категории Формация.

Эта книга предназначена для всех тех, кто вовлечен в политическую борьбу, а также для тех, кто хочет понять причины революций, поражений, войн и побед.

Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование. Использование Искусственным Интеллектом и размещение в Интернете строго запрещено без предварительного письменного согласия А. Бэттлера.

Copyright © Alex Battler, 2024

Copyright © Scholarica®, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Демонтажник марксизма — Э.А. Поздняков	9
<i>Ненаучная наука Позднякова</i>	24
Атака на теорию формации.....	32
Русские: «битва» за цивилизацию.....	44
<i>Цивилизация и культура</i>	53
Цивилизация и концепция Евразийства	62
<i>М.Л. Титаренко о цивилизации и культуре</i>	63
<i>Доктрина Евразийства.....</i>	67
Западные ученые о терминах Цивилизация и Культура.....	76
Марксистская трактовка понятий: культура и цивилизация ...	99
Формационный подход	117
<i>Базис и надстройка.....</i>	124
Библиография	130

Познание есть понятийное мышление.

Лишь в своем понятии нечто обладает действительностью; поскольку же оно отлично от своего понятия, оно перестает быть действительным и есть нечто ничтожное; осозаемость и чувственное вовне-себя-бытие принадлежат этой ничтожной стороне.

Г.В.Ф. Гегель

Все твердые предпосылки сами становятся текучими в ходе дальнейшего анализа. Но лишь благодаря тому, что они твердо устанавливаются в самом начале, возможен дальнейший анализ без перепутывания всего.

К. Маркс

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучая работы современных обществоведов, в которых они анализируют нынешнее состояние мировых и международных отношений, а также рассуждают о социальных и экономических явлениях в структурообразующих государствах, я обнаружил уникальное непонимание процессов, которые они изучают. Такое впечатление, что все они, современные обществоведы, и даже очень именитые, представляют философскую школу сенсуалистов, анализ которых строился на основе того, что они видели и слышали или что чувствовали. До уровня рассудка, не говоря уже разума, увиденное и услышанное не проникало, и поэтому причины, или иначе корни событий в их работах даже не затрагивались. Точнее, такие «мыслители» об этом даже не задумывались. Их вполне удовлетворяли и удовлетворяют умозаключения, сделанные на основе «глазенья и слышанья». В качестве примера можно привести их рассуждения относительно войны в Украине, в которой-де виноват один монстр — Путин. А со стороны российских экспертов виновником обозначен «клоун» Зеленский. Такие утверждения исходят не только от журналистов, комментаторов или политиков. Их обосновывают так называемые учёные даже из таких когда-то авторитетных институтов как Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Причём никого не смущает, что ни один из прогнозов нынешних специалистов этого когда-то очень авторитетного института не сбывается. Достаточно пролистать их работы за период с 1990-х годов по настоящее время. Правда, это относится и к большинству работ западных обществоведов.

Одним из важнейших факторов отсутствия глубины анализа является полный отказ от марксистской методологии и переход на буржуазные методы исследования с их размытой терминологией, отсутствием четкого понятийного аппарата. Работы современной армии исследователей напоминают чисто журналистские «нarrативы», но обязательно в духе не только буржуазной идеологии, но и установок Кремля. Это что касается российских «ученых».

У западных исследователей политические предпочтения разнообразнее, но все равно они не выходят за рамки, как теперь принято говорить, системы рынка и демократии, по-старому, — капитализма. О марксизме они вообще почти перестали писать и говорить, за исключением, возможно, Дональда Трампа, который пугает американский народ «марксизмом» Камалы Харрис. В этой связи сразу же хочу подчеркнуть, что все, или почти все нынешние противники марксизма, что на Западе, что в России, вряд ли изучали работы Маркса или Энгельса, но они «знают», что марксизм, так же как и нигде не существовавший коммунизм, — это зло и потому надо держаться от него подальше как черт от ладана.

Вот эти «открытия» подтолкнули меня к написанию работы о марксизме, которую я намерен назвать МАРКСОЛОГИЯ. Причина такого названия заключается в том, чтобы развести его с понятием МАРКСИЗМ. Разница заключается в том, что Марксология — это наука, столь же объективная, как и любая наука в сфере естествознания. Она вскрывает и объясняет сущности явлений, выводит из них законы и закономерности. Марксизм же — это идеологическое мировоззрение, которое определяет поведение человека в обществе. Иначе говоря, марксология как наука относится к фундаментальным исследованиям, а марксизм как идеология тесно вплетена в практические реальности общественного развития. Подробное толкование этих двух понятий будет дано при завершении работы.

В науке «Марксология» я предполагаю зафиксировать научный методологический потенциал марксизма, воспроизведя основные категории и понятия, соответствующие реальностям современного мира. Это означает, что некоторые классические категории и понятия потребуют обновления, другие — серьезного переосмысления. Мной также внедрены новые научные термины, выведенные на понятийный уровень, которые упомянуты и обоснованы в предыдущих моих работах. Я имею в виду такие фундаментальные категории как *Онтологическая сила* (онтобия), *Прогресс* (в совершенно новой интерпретации), а также ряд новых терминов в системе мировых и международных отношений, на основе которых были сформулированы законы и закономерности, относящиеся к сфере мировых отношений.

Поначалу я намеревался каждому понятию и категории посвятить по одному параграфу. Но когда взялся за дело, получилось так, что параграфы стали растягиваться на многие страницы, как случилось с темой — *Формация*. И тогда я решил, что эти растянутые параграфы я начну публиковать частями в виде брошюр или книжек (как получится), поскольку возраст, здоровье и прочие неожиданности не дают мне возможности предположить, сколько времени у меня уйдет на написание всей Марксологии. Эта книга и является «параграфом» о категории *Формация*. Дело в том, что мне приходится не просто формулировать те или иные категории и понятия марксизма, но и показывать, почему они отвергаются его противниками и что ими предлагается взамен. То есть работа носит одновременно и критический характер, без чего просто было бы невозможно объяснить столь подробные рассуждения относительно правомерности марксистского лексикона.

Итак, повторю: этот разросшийся в небольшую книгу параграф посвящен теме *Формация*, которую противники марксизма

объявили устаревшей и не отвечающей реальности, заменив ее на термин Цивилизация. Надо иметь в виду, что это не просто «замена», а настоящая атака на марксизм, поскольку категория *формация* является его фундаментом. Разрушить фундамент, означает разрушить марксизм. Насколько им это удалось, об этом и пойдет речь в предлагаемом теоретическом очерке.

Сентябрь 2024 г.

ДЕМОНТАЖНИК МАРКСИЗМА – Э.А. ПОЗДНЯКОВ

Доктор исторических наук Э.А. Поздняков считался одним из ведущих сотрудников ИМЭМО и чуть ли ни главным теоретиком в Советском Союзе, внедрившим системный подход в изучении международных отношений. Действительно, в свое время его небольшая книга «Системный подход и международные отношения» (1976) произвела большое впечатление на советских международников, которые под ее влиянием чаще в своих исследованиях стали обращаться к этому подходу. Тогда Поздняков был еще марксистом, обильно цитирующим Маркса в своих тогдашних работах. Но в годы перестройки на волне разбушевавшегося антисоветизма от марксизма уже ничего не осталось и наружу всплыл накопившийся за долгие советские годы антимарксизм, с которым Поздняков начал расправляться, не жалея гневных ругательных слов в адрес ненавистного учения. В отличие от своих осторожных коллег, он не осторожничал, обрушив свой антимарксистский гнев еще даже до разрушения СССР. Я написал несколько статей с разоблачениями его критики марксизма, которые журнал «МЭ и МО» отказался печатать¹ и которые в обобщенном варианте я изложил в одном из параграфов второго тома своей монографии «Мирология»². Там речь шла о приоритете политики над экономикой, которую отстаивал Поздняков, что, естественно, противоре-

1 В те времена я наивно предполагал, что «перестройка» разрешает излагать различные взгляды на дискуссионные темы. Тогда я не осознавал, что диктатура демократов похлеще диктатуры пролетариата.

2 См.: Бэттлер. Теория «чистой политики» во внешней политике современных государств // Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. Том II. Борьба всех против всех, 485–92.

чит марксизму. На этот раз Поздняков как один из неистовых сторонников нового политического мышления (НПМ), пошел в атаку на категорию *формация*, взамен предложив цивилизационный подход¹. Посмотрим, что из этого получилось.

С самого начала он дает высокую оценку достижениям перестроечного мышления, в частности, отказу от понимания мирного сосуществования как формы классовой борьбы; затем от концепции классовой борьбы в межгосударственных отношениях, признавая необходимость деидеологизации межгосударственных отношений; от противоборства двух социально-экономических систем, которое не является больше определяющей тенденцией современного мирового развития (50).

Этот, так сказать, поэтапный процесс разрушения идеологии социализма, о чем говорил демонтажник Я.Н. Яковлев, набирал силу. Наступала пора критики «теории формации». Тем более что она не универсальная, редукционистская, упрощенная. Ее изъян, по мнению теоретика, особенно заключался в том, что она рассматривает историю как линейно-прогрессивный процесс смены низших общественных форм высшими и т.д. в привычном антимарксистском ключе. И самое интересное, что эта теория — у него «схема» — «в какой-то мере отголосок дарвиновской теории эволюционного прогрессивного развития форм жизни от низших к высшим» (51). Естественно, и тот и другой подход, по Позднякову, — «просто ошибочный». Видимо, поскольку, скажем, капитализм, совсем не прогрессивнее первобытного общества, а человек совсем не выше, чем обезьяна. И главный изъян — в марксистской однолинейности.

Совсем по-другому, уверяет Поздняков, этот процесс мыслит замечательный русский философ (на самом деле — теософ) В. Соловьев, который, видимо, вдохновлен библейскими

1 Поздняков. Формационный и цивилизационный подходы // МЭ и МО, 1990, №5.

сказаниями, представляет «не смену каких-то состояний, или культурно-исторических типов, а процесс постепенного собирания, подчинения более узких и частных культурных элементов началам более широкой и универсальной культуры. Более высокая ступень исторического процесса тем самым не просто сменяет, а совмещает в себе все прежние преемственно выступающие культурно-исторические ступени и типы» (там же).

В огороде бузина, а в Киеве дядька. Так пишет человек, который был и которого считали образованнейшим ученым в ИМЭМО. Во-первых, ни у Маркса, ни у Дарвина¹ нигде нет речи об однолинейности. Дарвин писал о естественном отборе, в рамках которого выживает наиболее приспособленный. Маркс же много раз писал о различных отклонениях в развитии стран и империй. О какой однолинейности может идти речь, когда на практике после Кембрийского взрыва (около 540 млн лет) из 2 млрд различного вида организмов выжило около 2 млн (0,1%), а в истории множество империй и государств исчезли с лица земли. А выжили и развивались именно те, кто соответствовал законам выживаемости, или, если выражаться в терминах закона энтропии, когда негэнтропные элементы преодолевали энтропные. О какой постепенности в этом контексте может идти речь, когда именно скачки в неживой природе и революции в общественной жизни сохранили наиболее адаптивные виды и государства. И не является ли верхом безумия противопоставлять титанам человечества — Марксу и Дарвину — теософа Соловьева, который даже не замечал упадка России того времени, — государства, которое, видимо, в то время занималось «постепенным собиранием» то ли грибов, то ли идиотов, которые тянули Россию в обратном от «однолинейности» направлении.

1 Как отметил один из современных дарвинистов, «мышление всех антидарвинистов сохраняется на уровне тех же бактерий».

Поздняков приписывает формационной теории жестко детерминистское представление об историческом процессе, который, дескать, принижает «человеческий фактор», а также роль сознания. И поэтому, по Марксу, история носит «обезличенный характер». И, оказывается, это было вызвано тем, что Маркс являлся продолжателем гегелевского понимания истории. (?) Но есть разница: «если у Гегеля сущность истории сводится к развитию понятий или движению «Мирового духа», то у Маркса она сводится к закономерному развитию экономического базиса — производственных отношений и производительных сил» (52).

Приходится только удивляться зашоренности этого теоретика. Где он вычитал, что Гегель сводил сущность *истории* к развитию понятий. В монографии «Наука логики», где разбирались понятийно-категориальные явления в рамках диалектической логики, об истории вообще нет речи. Вся его логика диалектически жила и развивалась в мышлении, а не в реальности, за что как раз и критиковал Гегеля Маркс. Что же касается Маркса, то закономерности исторического развития он анализировал не только учитывая экономический базис, а в совокупности всех наиболее важных факторов, определяющих движение человечества по историческому пути. В том числе и «человеческий фактор» (особенно в рамках понятия «надстройка»). Гегель и Маркс об этом факторе написали больше, чем Поздняков в своих нарративах, причем в поверхностном понимании этого фактора. И нигде ни Гегель, ни Маркс не отводили человеку второстепенное значение. Это очередной домысел теоретика. И «надстройка» у Маркса тесно взаимосвязана с базисом, а не существует отдельно, как продолжает выдумывать Поздняков. — Фальсификация на каждом шагу. Судя по всему, этот теоретик настолько ослеплен ненавистью к марксизму, что просто терял рассудок, как только касался ненавистных ему тем.

Исторический материализм, по его мнению, ничем не отличается от любого метафизического учения. И, дескать, разница заключается только в том, «что в его основе лежит не идеалистический, а материалистический абсолют. Этот момент роднит его и с гегелевской историософией. История, по Гегелю, представляет собой безличный или сверхличный процесс» (52).

Очередное непонимание Гегеля. Наверняка Поздняков-теоретик не читал работ Гегеля: ни «Лекции по истории философии», ни «Философию истории», в которых немецкий гений упомянул больше конкретных весомых исторических имен, чем теоретик за всю свою жизнь.

Что же касается исторического материализма, то он, естественно, опирается на постулат первичности материи над сознанием. И этот абсолют утверждается самым общим законам природы — первым законом термодинамики (материя/энергия» существуют). Причем как минимум с момента Большого взрыва (около 13,7 млрд лет назад). А сознание, не прилетело нам откуда-то, а как доказано научными исследованиями, появилось с момента возникновения человека (*хомо сапиенс*), который сам начал себя осознавать как человека, по разным оценкам, миллиона два-три лет назад. А если придерживаться Библии, из которой черпал свою мудрость теософ В. Соловьев, а также его поклонник Поздняков, то еще позже. По расчетам Джеймса Ашшера, даже мир Бог создал 23 октября 4004 г. до н.э., а человека всего только на 6-й день, т.е. 29 октября, до этого сотворив не только небо и землю, но даже всяческих тварей. Получается, что сам бог был материалистом, создав материю раньше, чем человека с духом.

Видимо, Поздняков, причастившись к религии, не читал даже Библию. Продолжает нести околосицу: у Маркса человеку отведена «страдательная и подчиненная роль», так сказать, роль «винтика», которая получила воплощение в «сталинской схеме социализма» (там же).

Весь «Капитал» Маркса как раз посвящен рабочему человеку, механизму его эксплуатации капиталистической системой. А при Сталине, то есть на первой фазе социализма, человек, освободившийся от пут царского феодального мракобесия, стал созиателем крупнейшей мировой державы, которую не могли одолеть все остальные капиталистические державы. Пока отечественные новомышлисты, такие как Поздняков и К°, не разрушили ее.

Поздняков приписывает Марксу идею, что для него, Маркса, культура является довеском к базису. И возражает: «Она имеет самостоятельное бытие и свои законы развития» (там же).

Во-первых, марксизм культуру относит не к базису, а к надстройке. Во-вторых, обе эти составляющие образуют более широкое понятие, фактически категорию — *формация*. В-третьих, надстройка, равно как и базис, естественно, имеет свои закономерности, во взаимодействии определяя содержание категории *формация*. Что, культура первобытного человека настолько была оторвана от базиса, что предполагала поведение дикарей по стандартам демократии, или даже божьих заповедей типа «не убий»? Или культура первобытного человека вынуждала убивать мамонтов и прочих зверей вместо того, чтобы выращивать пшеницу и разводить скот? Именно так должны были бы действовать люди первобытного общества, если следователь логике Позднякова. А она у него строится именно на первичности сознания над материей. Утверждение, которое до сих пор въелось в мозги всех догматиков и ортодоксов, особенно тех, кто ненавидит марксизм и социализм.

Вот еще «открытия» теоретика. Оказывается, и сам социализм вырос из умозрительной схемы. Поздняков пишет: «В реальной жизни отсутствовали вообще какие-либо материальные его элементы» (там же). То есть Маркс с Энгельсом сидели у себя в Лондоне и Манчестере и высасывали из пальцев идеи

социализма. А до них все французские и английские просветители, которым надоел феодализм, решили высосать из пальцев идеи капитализма. И вот каков главный аргумент бывшего члена КПСС:

Если же быть последовательным в рассмотрении такого удивительного феномена, как Человек в его индивидуальной и общественной деятельности до конца, то нельзя не прийти к признанию, что именно в словах апостола Иоанна: «Вначале было Слово» — заложен великий смысл человеческой истории (53).

Абсолютно не удивлен. Почти все антисоветчики и антимарксисты так или иначе непременно скатываются в религию. Объяснение очень простое: реальных аргументов у них нет, а сославшись на Библию, никаких аргументов не надо. Здесь царствует вера. Поэтому им даже не надо понимать такой мелочи, кто сказал Слово? Почему-то Поздняков скромно об этом умолчал. А полностью этот сюжет звучит так: «Вначале было Слово, и Слово это было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1).

Во-первых, слово должно иметь какое-либо значение. Без значения это не слово, а звук, в лучшем случае мычание. И вот этим словом/мычанием был Бог. Который, правда, иногда принимал образ огненного куста (в разговоре с Моисеем), или даже человека (например, в борьбе с Иаковом, которого он переназвал в Израиль (Быт. 32:28).

Во-вторых, апостол Иоанн явно не был знаком с началом Библии, поскольку Бог *вначале* создал небо и землю. То есть материю. В-третьих, если Слово и Бог синонимы, то следует признать, что Бог, так сказать, тоже не без тела, о чем красноречиво напоминает композиция Микеланджело «Сотворение Адама» в Сикстинской капелле, где Бог-Отец с мощным телом бодибилдера протягивает свою руку навстречу Адаму. И чтобы этот Бог не наговорил, все равно получается, что сначала была материя, а потом уже всяческие слова. А это означает, что

даже христианская религия в своей основе материалистична, не говоря уже о ее истоках. Но антимарксист Поздняков этого не признает, слишком озабочаясь судьбой Человека в своем ми-ровидении.

Между прочим, имея в виду свое сопричастие к роду му-сульман, Эльгизу Абдуловичу уместнее было в качестве аргу-мента обратиться к Корану. В нем идея первичности материи выражена еще ярче, чем в Библии. Правда, если считать веч-ным самого Аллаха-Духа. Но в любом случае человек-то все-та-ки родился из материи. Вот подтверждение из Корана:

В суре 15 трижды повторено, что он его создал: «из звучащей, из глины, облеченной в форму». Помимо этого говорится, что он со-творил человека из праха (3:52; 22:5), из «эссенции глины» (23:12), из глины сухой, звучащей, как сосуд, глиняное блюдо (55:13), еще из глины липкой, пристающей, следовательно, сырой (37:11), из глины гончарной, «скудели» (15:26); наконец — «из воды». Из вла-ги — «из капли» — человек и размножается (25:56; 80:18). Послед-нее уточняется: «потом создали из капли сгусток крови, и создали из сгустка крови кусок мяса, создали из этого куска кости и об-лекли кости мясом, потом Мы вырастили его в другом творении, благословен же Аллах, лучший из творцов!» (23:14)

Даже Аллах понимал, что прежде, чем человек начнет творить свои гнусные деяния, его еще надо создать из первичной ма-терии, после чего только возникнет сознание. Получается, что не только Маркс материалист, но и уважаемые Поздняковым Боги — материалисты. Но их он почему-то пощадил. Видимо, опасаясь их гнева.

Итак, формационный подход слишком материалистичен и бесчеловечен. Поздняков предлагает свой цивилизованный подход. Этот подход —

не одна какая-то сторона человеческого бытия, а совокупность всех форм жизнедеятельности того или иного общества — материаль-ных, идейных, культурных, религиозных, нравственных и т. д. — в

их единстве и неразрывности, в их историческом развитии и преемственности. Такая совокупность и рассматривается как нечто такое, что можно назвать цивилизацией в ее локальном или более широком — вплоть до общечеловеческого — выражении (53).

Например, изучает кто-то племя мундуруков или ава со всеми атрибутами, высказанными выше, и получится картина цивилизации племени мундуруков или тех же ава. То есть цивилизация, по Позднякову, — это изучение со всех бесчисленных сторон локального или общечеловеческого общества. Если какой-то Дарвин, изучая эволюцию животного мира, пропустил религиозные или нравственные аспекты, это уже подход не цивилизационный. Не говоря уже о каких-то Смитах, или Рикардах, которые человеку почти не уделили никакого внимания. То есть мыслитель Поздняков вместо определения понятия *цивилизация* описал явления, которые должны войти в этот подход для совокупного изучения. А это фактически все виды наук и религий, существовавшие на время проживания Позднякова на Земле.

На самом деле этот цивилизационный подход ему был нужен вот для чего. И для чего, вполне ожидаемом. Цитирую:

Под цивилизационным подходом подразумевается также и подход, в основе которого лежат *критерии западной цивилизации* с ее либерально-демократическими ценностями и научно-техническим уровнем развития. Действительно, Запад сегодня — это не просто географическое понятие и даже не синоним понятия «капитализм». Это выражение того высшего на сегодняшний день экономического, научно-технического и демократического уровня развития, без достижения которого ни одно общество не может считаться современным. *Вот почему Япония — это Запад: Запад — это уже и Сингапур, и Южная Корея.* И вот почему мы еще не Запад (там же. Курс. мой. — А.Б.).

Из такого утверждения следует, что ни Китай, ни Индия, не современны, и тем более не цивилизационны. А вот Япония,

Сингапур и Южная Корея — Запад. Поздняков даже не подозревает, насколько западные ценности вместе с их вариантом демократии далеки от практики названных государств. Особенno смешно это в отношении Сингапура, в котором правил диктатор Ли Куан Ю. Поздняков пишет о критериях западной цивилизации не догадываясь, в какой трясине проблем она находилась даже в те годы, когда он писал эту свою статью. Правда, аналогичным невежеством блистали все новомышлисты, рассказывая сказки про западный рай.

И Россия не Запад, хотя в научно-техническом отношении СССР ничуть не уступал Западу, о чем говорит хотя бы военно-стратегический паритет того периода. А демократию в СССР просто воспринимали по-другому, не глазами антисоветчиков и антимарксистов. Объема демократии вполне хватало для нормального советского гражданина, и этот объем позволял ему работать и творить, что, кстати, на себе испытал и ниспровержатель Маркса.

С какого потолка он взял, что советские люди пребывали в «архаичной замкнутости»? Многие детки академиков и высших чиновников из ИМЭМО не вылезали из-за границы, а по количеству туристов за рубеж на душу населения СССР пре-восходил американцев. Если иметь в виду «замкнутость» в начальный период советской власти (1920-30-е годы), разве Советский Союз «закрыл» страну? Не Запад ли устроил блокаду советской республике? А после войны не СССР ли организовал международный форум молодежи в Москве 1957 г.?

Поздняков обращается к сознанию и бытию, утверждая, что именно сознание определяет бытие. И опять же не замечая, что его собственное сознание явилось отражением того бытия, которое, как оказалось, было ненавистно ему. А бытие зажиточной научной элиты — тех же сотрудников ИМЭМО — определял их антисоветизм, снобизм и их презрение к советским людям.

Далее демократ Поздняков пишет, что дескать, идеализм, который он приписал Марксу и теории формации, проявился в «конфронтации, противоборстве двух систем в мире, расколе Европы» (55). Человек как будто свалился с Луны. Кто засинал эту конфронтацию? После прихода большевиков к власти кто начал конfrонтировать с ними? Не белогвардейцы ли при активном участии демократического Запада (Англия, Франция, США и др.) и недемократического Востока (Япония)? Большевики предлагают на Генуэзской конференции (1922 г.) «мирное сожительство» с Западом, а Запад (за исключением Германии) в ответ блокирует молодую Советскую Республику. После Второй мировой войны не Черчилль ли дал толчок Холодной войне своей Фултонской речью (март 1946 г.), испугавшись просоциалистических настроений в Западной Европе (Греция, Франция, Италия), после чего Запад фактически воздвиг железный занавес перед СССР? И не Запад ли начал гонку вооружений в ядерной сфере, для начала испытав это оружие в августе 1945 г. на мирных жителях Японии? В конце концов, кто постоянно находился в войне против тех или иных врагов, как не США и их союзники из Европы? Неужели у Позднякова его антисоветизм отбил всю память?

Видимо, не только память, но и мозги в целом. Он умудрился сказать даже такое: будто бы «Маркс... поставил гегелевскую диалектику с ног на голову, а не наоборот, как думалось ему самому» (56). Оказывается, Позднякову думалось правильнее.

Дескать, Маркс превратил понятия Гегеля в «методологию политической борьбы. Вследствие такой метаморфозы она не могла не превратиться в методологию социальных катастроф, в методологию общественного развития через революции — катастрофы» (57).

Видимо, Поздняков так и не понял, что у Гегеля Маркс учился ДИАЛЕКТИКЕ, — универсальному методу анализа,

который является единственным способом мыслить, а не заниматься «глазенем». Методология не занимается формированием катастроф или «общественным развитием». Она есть *инструмент познания* тех же самых катастроф и законов общественного развития. Неужели эти азбучные истины были не понятны доктору наук из престижного института. Гегель, тщательно проанализировав возможности познания диалектики как метода, заодно вскрыл фундаментальные законы: единства и борьбы противоположностей, переход количества в качество и закон отрицания отрицания. Которые применимы ко всем областям знания¹.

Поэтому утверждения «дилетанта», как сам себя Поздняков назвал в оглавлении одной из книжек, о том, что природа не терпит скачков, говорит только о том, что человек абсолютно не понимает даже то, что он пишет.

Вся история служит подтверждением тому, что всякий раз, как только общество пытается перескочить через естественные фазы своего развития, природа как бы в отместку заставляет его заново пройти прерванный скачком путь с той лишь существенной разницей, что за это ему приходится расплачиваться немалыми жертвами и потерями (там же).

Только что написал, что природа не терпит скачков. И сам же продолжает, что как только общество, которое есть хотя и крошечная, но часть природы, пытается перескочить через естественные фазы. Другое дело, куда они могут привести. Он пишет, что и в 1917 г. «мы предприняли беспрецедентную попытку скачка через целую формацию» (там же). То есть скачок был и у нас. Природа все-таки терпит скачки. Для него, понят-

1 Между прочим, именно те, кто «прошли» школу Гегеля, стали величими личностями в России, своими работами и действиями подводя ее к Великой Октябрьской революции 1917 г. Видимо, из-за этого все реакционеры и ненавидели Гегеля.

но, этот скачок привел СССР к катастрофе. Но сейчас не об этом. О скачках.

Усугубляет он эту глупость такой фразой:

Реальная жизнь, реальная история, однако, развиваются не скачками: им свойственны непрерывность, преемственность, взаимосвязь и взаимозависимость поколений. Эти преемственность и взаимосвязь культур, традиций, нравственных основ и составляют фундамент развития человеческой цивилизации. Скачки же разрушают его (57).

«Не скачками» — «скачки же разрушают». Значит природа терпит скачки, хотя и «разрушает». Я сейчас оставляю в стороне «скачки» в самой природе, органическом и неорганическом мире. Они детально описаны в научной литературе, которая явно не попадалась на глаза демонтажнику марксизма. Достаточно было хотя бы почитать Дж. Гулда, углубившего теорию эволюции Дарвина, именно добавив в нее скачкообразность (прерывистость) эволюционного процесса. Но взять ту же историю. Неужели Поздняков не прочитал ни одной книги по истории, в которой рассказывалось о революциях во Франции, Англии, Нидерландах. Или в них развивалась «не реальная история»? Или три революции в России — тоже высосаны из пальцев, они не реальны, а только придуманы, причем в сознании одного Позднякова?

И вот он эту глупость пытается доказать, опровергая гегелевский закон единства и борьба противоположностей, который, дескать, «у нас признавался чуть ли ни единственным источником движения, развития, в том числе и социального» (там же). При этом ссылаясь на Ленина, который отмечал, что борьба противоположностей абсолютна, тогда как их единство относительно.

Неужели этот теоретик нигде не встречал, что в диалектике скачки перемежаются с эволюционным периодом, кото-

рый прерывается скачками, а затем продолжается, переходя в эволюционность и т.д. И неужели это мудрец не знал, что само движение обязано противоположностям, а само единство носит относительный характер, будь то в природе или в обществе. И кстати сказать, партийная и классовая борьба, ненавидимая Поздняковым, также вызвана борьбой противоположностей, которая ведется не по прихоти тиранов, марксистов и социалистов. И атаки на них Поздняковым — очевидное свидетельство верности этого закона диалектики.

Признаться, я даже в страшном сне не мог представить, куда может завести человека ненависть к социализму и советской власти.

Концепция «противоборства», которая приписывается формационной теории, выдумана не марксистами, не социалистами. Она объективна присуща и природе и обществу. Пишет:

С самого начала в ней была заложена нацеленность на уничтожение одной из противоположностей, а именно — капитализма. Понимание того, что это привело бы к уничтожению самого единства, а тем самым — в нынешних условиях — и всего мира, стало приходить к нам лишь недавно, когда мир и в самом деле подошел к грани катастрофы (57).

А что, у капитализма не была заложена идея уничтожения противоположности — социализма? Сколько раз социализм предлагал ему «единство», начиная с Генуэзской конференции, затем, например, в 1930-е годы в борьбе против Гитлера (на что Запад ответил Мюнхенским соглашением с Гитлером)? И опять же, в конце концов, кто затеял гонку вооружений? Скорее всего, Поздняков не слышал о планах «Тоталити» (при Д. Эйзенхауэр), «Флитвуд» (1948), «Дропшот» (1949), предполагающие ядерные бомбардировки советских городов. Ясно, что ему плевать на все эти реальности. Ненависть к социализму уничтожила весь его мыслительный аппарат.

Такова естественная идеология новомышлистов, внедривших деидеологизацию в советскую доктрину перестроичного времени. И это у них называется «цивилизационным подходом». Запад на этот подход наплевал, а антисоветская элита — нет. Как раз этот подход и привел к тому, что СССР ревалился, а нынешняя Россия «сконвертировалась» в фашистское государство, против которого выступает все тот же Запад, который являлся примером для новомышлистов¹.

Я не знаю, что о реальностях путинского периода говорил и писал Поздняков, но в конце разбираемой статьи он с энтузиазмом отметил «полное разрушение примитивных представлений о социализме (здесь он прав, видимо, имея в виду самого себя), что формационный тип мышления начал уступать место мышлению «цивилизационному» и что «мы переживаем время решительного обновления», а конструкции холодной войны рушатся и т.д. (60) Но а что касается предвидения: «Мы не в силах предвидеть развитие событий на самый короткий срок, но беремся за решение задачи, посильной разве что только самому Богу» (там же). — Все-таки ему было бы уместнее сказать — Аллаху.

Но поскольку Бог/Аллах помалкивает на этот счет, то за них говорят ракеты и дроны, посылаемые фашистской Россией в Украину, выстроенной на базе цивилизованного подхода, к которому руку приложил крупный мыслитель, можно сказать, полигистор всех наук Э.А. Поздняков. На гордость всех его коллег, соучаствовавших в этом благородном и святом деле. Аминь!

P.S. Надо отметить, что при всей хвале цивилизационному подходу, определение ни термину «цивилизация», ни тер-

1 Подр. о новом политическом мышлении см.: *Бэттлер. Современные международные отношения. Политика великих держав: теория и практика. Курс лекций.*

мину «прогресс» он не дал. Поэтому все его рассуждения на эти темы, лишенные понятийной определенности, как говорил ненавистный ему Гегель, не имеют никакого смысла, а входят в жанр «нarrатива», то есть болтовни о том, о сем. Правда, в этом жанре работают почти все так называемые ученые нынешней России.

Ненаучная наука Позднякова

Мне случайно в руки попала книга Э. Позднякова, опубликованная в электронной версии, под названием «Извечные загадки науки глазами дилетанта» (2005). В ней он развенчивает законы природы, открытые Ньютоном, Лавузье, Дарвином и многими другими «серыми» учеными, выдвигая свои версии происхождения явлений, сущность которых не поняли вышеупомянутые «серости». В частности, он критически разбирает устоявшиеся представления на законы гравитации, происхождения планет, теории фотосинтеза, происхождения жизни и т.д. Я не собираюсь реагировать на его критику и анализировать его версии названных явлений, за исключением темы происхождения жизни, но хочу обратить внимание на Предисловие к этой работе.

Поскольку работа была написана через 15 лет после выше проанализированной статьи о формации, он имел возможность вкусить плоды демонтажа марксизма и социализма, придя даже к такому, казалось бы, неожиданному выводу: «из всех придуманных человеком форм общественного устройства демократия является наихудшей, и это доказано как теорией, так и практикой». — Вот те на! Так бились за демократию в ходе перестройки, а она никуда не годится. Видимо, на сознание Позднякова повлияла практика ее реализации в России, кото-

рая оказалась первичней сознания. Естественно, к 2005 г. он уже не мог не видеть, до какого разрушения привела эта самая западная демократия вместе с рынком Россию.

Правда, его больше всего на этот раз занимает наука, которая тоже оказалась в плену «золотого тельца», что он почувствовал на собственном примере, когда вынужден был публиковать свои работы за свой счет. На этом поле он нашел соратника, американского философа-науковеда Пола Фейерабенда (Paul Karl Feyerabend), который довольно бурно в анархическом стиле критиковал традиционные науки, кстати сказать, в тот момент проживая в США¹. Многие вещи, сказанные как Фейерабендом, так и повторенные за ним Поздняковым, являются справедливыми. Наука тоже в западных обществах — товар, но тем не менее она развивается, включая и фундаментальные аспекты, не только на базе финансирования бизнесом, но и государством. Достаточно взглянуть на доли НИОКР в бюджетах капиталистических государств. Причем именно профессиональными учеными, а не дилетантами, как уверяет Поздняков. И в этом вопросе он вновь начинает нести околосицу, пишет: «Хорошо известно, что всё великое и ценное в искусстве и науке было создано именно такими дилетантами». Особенно, дескать, так было в XVII–XIX веках. Видимо, все эти великие открытия Галилея, Коперника, Кеплера, Лейбница, Ньютона и других делались дилетантами. Но, дескать, с конца XIX в. этому был положен конец, появились так называемые профессионалы, хотя все равно крупные научные открытия даже в XX в. были сделаны дилетантами. Называет имена Эйнштейна, Бора и Борна. Продолжает: «“Любителями” были десятки других

1 Не исключаю, что этот Фейерабенд полюбился Позднякову не только критикой в адрес науки, но и тем, что тот, служа в войсках СС, участвовал в агрессии против СССР, заслужив за это не только «Железный крест», но и три пули в позвоночник. Так сказать, родная душа против марксизма и социализма.

учёных, не имевших ни специального образования, ни званий, ни научных степеней, и тем не менее обогативших науку открытиями, принесшими ей славу».

Для меня остается загадкой: что заставляло Позднякова врать? Неужели он не знал, коль уже сам пишет о науке, что Нильс Бор закончил Копенгагенский университет, Макс Борн поначалу учился в Бреславском университете, затем целый курс в Гейдельбергском университете, наконец, закончил Цюрихский политехникум. А. Эйнштейн — Цюрихский политехнический институт. Вся квантовая механика была основана учеными профессионалами, а не дилетантами.

Я понимаю, ему надо было обосновать свое вхождение в науку, в которой он не профессионал. Он прав, что иногда дилетанты действительно делали открытия, но это же не правило, а исключения.

Поздняков пишет, что наука должна быть свободной, ничем не ограниченной. Верно, но только не надо доводить это до абсурда, как в России: сейчас там неограниченные возможности писать и говорить все что угодно, на почве чего шарлатаны от науки заняли доминирующие места. А Ванги стали главными предсказателями будущего. Да, весь мир многие воспринимают по-разному — банальность, которую выдал теоретик. И мыслят по-разному. Но он забыл аксиому ленинизма: от живого созерцанья, к абстрактному мышлению и от него к практике. Именно практика определит, чье созерцание и мышление верно, а чье нет.

Он убеждает, что ранее открытые законы неверны, учебники, в которых они зафиксированы неверны и т.д. Пишет: «Хотя всё держится кое-как, на подпорках, на честном слове, но тем не менее держится, и это многих вполне устраивает. Показать это способен, как это ни покажется кому-нибудь странным, только дилетант, и главным образом потому, что его ум не отягощён никаким научно-казённым вздором и сам он не

обременён обязательствами перед тем или иным научным департаментом».

Ему почему-то не приходило в голову, что на этих «подпорках» строились технологии освоения космоса, создание авиастроения, и т.д. Благодаря им все человечество движется в конечном счете по пути прогресса, подтверждением чего является его главный критерий — средняя продолжительность жизни человека, которая увеличилась почти вдвое по сравнению с периодом, когда этих подпорок не было или почти не было.

«Вот вместо некоторых из них я и предлагаю свои, более, на мой взгляд, верные варианты решения соответствующих проблем». И вот один из «верных вариантов» ученого Позднякова, относящееся к зарождению жизни на Земле.

* * *

Глава называется «Проблема самозарождения жизни». Уже само название говорит о том, что автор не знает, что эта «проблема» давно уже решена. Упомянутые им споры (не)виталистов (это XVII–XX вв.) и антивиталистов, происходившие на протяжении столетий, уже давно завершены. Так же, как и утверждения Пастера о невозможности саморождения жизни из неживого. Эта идея в свое время была положена в теорию биогенеза, которую, кстати, убедительно раскритиковал Ф. Энгельс, чего, естественно, Поздняков не знал. Подобные теории сошли на нет к середине XX в., когда поначалу раскритикованый Поздняковым А.И. Опарин, затем англичанин Дж. Холдейн и, наконец, другой англичанин Дж. Бернал теоретически доказали возможность происхождения живого из неживого. Так возникла теория биопоэза, ставшая впоследствии известной в качестве абиогенеза. Затем американский ученый Гарольд Юри и его ученик Стэнли Миллер подтвердили эту теорию, сымитировав условия существования на Земле 4 млрд

лет назад. Этими опытами доказано, что при прохождении электрических зарядов через смесь метана, молекулярного водорода, аммиака и паров воды (а это и есть модель первичной атмосферы Земли) возникли глицин, аланин и другие аминокислоты, а также ряд органических соединений. В последующем опыты Миллера были подтверждены рядом других ученых. Но они доказывали только возможность возникновения жизни из неживой природы. А далее начинают «работать» законы случайности, механизм которых был расписан бельгийским ученым Ильеем Пригожиным, а также французом Арманом Дельсамом. А затем целая плеяда ученых (Манфред Эйген, Сидни Альтман, Томас Чех и др.) показывали, как органические вещества путем эволюции и скачков «двигались» в направлении зарождения жизни. Здесь важно подчеркнуть, что этот процесс имел протяженность во времени, а не происходил в мгновенье ока, как у Позднякова. Подробно о ее зарождении как о случайности в популярной форме написано в увлекательной книге Манфреда Эйгена и Русхильды Винклер («Игра жизни»). Видимо, дилетант не знал, что для того, чтобы просто возникла базовая бактерия, ведущая к жизни, необходимо около 2000 ферментов. И чтобы они возникли случайно, необходимо по крайней мере $10^{40\ 000}$ попыток. А в целом до возникновения человека понадобилось время почти в 3,5 млрд лет (с первого отложения углерода)¹. В свое время мне на изучение этой темы потребовалось около двух лет с привлечением нескольких десятков монографий и сотен статей, чтобы разобраться в этой теме. Судя по библиографии к разбираемой книге, Позднякову было достаточно два десятка работ для изучения по всем заявленным темам, опубликованным от 100 до 70 лет назад.

1 Подр. см. главу: «Происхождение органического мира как проявление органической силы, или оргагенез как проявление оргáбии» // Бэттлер. Диалектика силы, 129–220.

Рассматривать в деталях анализ Позднякова этой темы совершенно бессмысленно в силу очевидного незнания данного предмета хотя бы на основе его заключительного утверждения, которое звучит так:

Процесс самозарождения идёт просто вследствие того, что на Земле существуют для этого объективно благоприятные условия, как и для существования жизни вообще. Да, эти образующиеся первоэлементы жизни не могут развиваться в более высокую материю, но не потому, что они истребляются другими существами, а потому, что они составляют такой же самостоятельный и необходимый ряд существ, как и все остальные. *Как и другие, они ни во что не эволюционируют, а представляют собой самостоятельный элемент всеобщего жизненного ряда* (курс. мой. — А.Б.).

Несмотря на то, что он повсюду долбил о тесной взаимосвязанности всех явлений, об их единстве, здесь у него каждое существо имеет самостоятельный ряд. То есть без всякой эволюции они постоянно саморождаются, благодаря чему и держится вся жизнь на земле. Которая, также никуда не эволюционировала, а как возникла 4,5 млрд лет назад, так и осталась в первозданном виде. Ни ледниковых периодов, ни смещения континентов, ни изменения атмосферы. Просто возникла вместе с саморождающимися элементами жизни и все. И поэтому неслучайно этот мудрец называет дарвиновскую теорию «плоской», а самого Дарвина «никудышным теоретиком». И хотя он сам является собой «неплоского» теоретика, тем не менее он забыл, что даже в религии, как в Библии, так и в Коране, жизнь (человек и прочая тварь) родились не сами по себе, а благодаря Богу Яхве и Аллаху, о чём я уже напоминал выше. Христоносцу Позднякову неприлично забывать свои истоки.

Рассуждая о жизни, он не дал определения жизни. То есть не вывел это слово на понятийный уровень. А значит под этим словом можно понимать что угодно. Известно, русские космисты жизнью называют весь космос. Другие, поскромнее,

жизнью называют органический мир. Еще более скромные — зоологический мир. А некоторые, оголтелые жизнелюбы, когда на какой-то планете узревают воду, кричат, что там есть жизнь. При таком раскладе, когда не даны понятийные определения явлений, которые пытаешься познать, происходит не научный анализ, а стандартный треп, что характерно для работ Позднякова в «постсоветский» период. Поэтому бессмысленно разбивать его взгляды других научных тем, которые имеют такое же отношение к науке, как предсказания Ванги о будущем мира.

* * *

Среди трех категорий антисоветчиков, о которых будет сказано ниже, одну представляют самоуверенные «гении», которые мнят себя умнее всех предыдущих ученых или политиков. Среди них особенно выделялся именно Поздняков, который не только был способен «разделаться» с Марксом, но и такими титанами человечества как Ньютон, Дарвин, Лаплас, Пастер, Лавуазье. Подобная самоуверенность вызвана комплексом неполноценности, обратной стороной которой является комплекс сверхвеличия. Такие лже-великаны напоминают басню Крылова про моську и слона. Причем, чем меньше моська, тем звонче лай. До обывателя доходит только этот визг, обыватель слона даже не замечает. К тому же работы этих «слонов» он не читал и даже не видел в глаза. Отсюда популярность мосек, которыми забито как научное пространство в России, так и любое другое: политическое, экономическое, культурное и т.д.

В этой связи надо обратить внимание на то, что крупные ученые всегда с уважением относятся к своим предшественникам. Например, с достойным и нескрываемым уважением о Марксе отзывались такие крупные экономисты, как Дж. Кейнс, Дж. Гэлбрейт, В. Леонтьев и др. Работы Маркса изучали

ют на экономических факультетах любого университета США. Эти простые истины российские антисоветчики и антимаркsistы не понимают. Я думаю, что это одна из причин отката России во времена Ивана Грозного.

АТАКА НА ТЕОРИЮ ФОРМАЦИИ

Демонтажники марксизма неслучайно атаковали марксистский формационный подход, пытаясь заменить его подходом цивилизационным. Они понимали, что категория *формация* является одним из столпов марксологии, от которого отпочковываются другие понятия и категории лексикона марксизма. Они правы. Поэтому есть смысл еще раз уточнить, что означает категория *формация*, тем более что существуют различные интерпретации этого термина даже среди тех, кто называет себя марксистами.

Напомню, что при периодизации истории применяются различные подходы в зависимости от критерия, т.е. доминирующего фактора, отделяющего один период от другого. Но поскольку среди ученых по поводу этих критериев нет единого мнения, то обычно в учебниках используется такой хронологический ряд: Первобытное общество (где-то от раннего палеолита /ок. 100 тыс. лет назад / до железного века / IX–VII век до н.э./), Древний мир (конец первого тысячелетия до н.э. до падения Зап. Римской империи в 476 г.), Средние века (V–XVI века), Новое время (XVI–XVIII века), Новейшее время (два варианта: с 1789–1939–1945; 1918 – по настоящее время). Причем в отношении последних двух периодов тоже нет единогласия и споры ведутся до сих пор.

В принципе такая хронология сама по себе не вызывает среди ученых особого возбуждения, которое возникает при толковании критериев такой периодизации. И здесь вступают в бой уже сами подходы и теории, среди которых упомянутый выше цивилизационный подход (который до того, как за него взялись российские антисоветчики был просто одним из вариантов объяснения исторического процесса). Но все по порядку.

* * *

Еще раз повторю: в марксологии одной из базовых категорий является *формация*. Естественно, буржуазная социология такой категорией не пользуется, предпочитая употреблять бессодержательные термины типа Средние века (или Темные века), или Модерн, который у них начался с XVI в., а у некоторых с середины XVII в. Но если западные буржуазные социологи просто не употребляют марксистскую терминологию, многие из которых просто о ней и не знают, то российские социологи, быстро перековавшись из марксистов в антимарксистов, подвергли суровой критике марксизм как учение, естественно, в том числе и одну из фундаментальных категорий — *формация*, как не отвечающую научной истине. Ее употребление, дескать, является атавизмом старого мышления. А новое мышление предлагает научные варианты, построенные на целостности мира. Поэтому есть смысл подробнее рассмотреть рассуждения новомышлистов на эту тему.

Тяга новомышлистов к демонтажу понятийного лексикона старого политического мышления вызвана не столько реальными проблемами социализма, сколько причинами иного свойства, которые можно разделить на три вида. К первому относится реакция тех людей, кто лично испытал наказание от власти за ее критику в 1950–60-е годы и кого можно назвать предтечей последующих диссидентов. Например, в свое время, где-то в середине 1950-х годов, в МГУ образовалась группа «марксистов», которые требовали чуть ли ни буквально следовать каждой строчке марксистского учения, что входило в явное противоречие с реальностями тогдашнего времени. Ее участники получили разные сроки, и после отсидки одни из них затаились, держа камень за пазухой (М. Чешков), другие, в частности, В. Крылов,

наоборот, приложили все свои усилия именно для углубления марксизма и правильного его понимания.

Другая группа состояла из детей и внуков академиков и высокопоставленных партийных чиновников, постоянно разъезжающих по странам Запада, да и самих, живущих по стандартам Запада, впитавших все прелести западных ценностей, превратившись в своего рода политico-академический комплекс прозападной направленности. К этой группе относятся чуть ли ни все сотрудники Института мировых экономических и международных отношений (ИМЭМО) и немалая часть Института США и Канады. Неслучайно чуть ли ни все они приняли активное участие в разрушении СССР и стали заметными соучастниками команды Горбачева/Яковleva, позже Ельцина, а затем и Путина (до его поворота против Запада после 2014 г.) на поле воссоздания капиталистической системы в России.

Наконец, третья группа, не столь многочисленная как вторая, — это ученые, которые, как им показалось, переросли Маркса, его «однобокость» и массу ошибок, предлагая новое видение мира, лишенного «близорукости» классиков марксизма, не говоря уже о его советском варианте. Таковыми считали себя, например, известный японовед-экономист Я.А. Певзнер, но особенно вышеупомянутый теоретик международных отношений Э.А. Поздняков. (Оба из ИМЭМО.)

Кстати сказать, почти все они, за редкими исключением, учились в самом престижном институте в СССР — МГИМО, куда, начиная с 1960-х годов попадали в основном дети высших партийных и дипломатических чиновников Советского Союза. Этот институт можно рассматривать как кузницу кадров последующих антисоветчиков, которые после окончания растекались по престижным местам в МИДе, Министерстве внешней торговли и по другим аналогичным теплым местам, связанным с заграницей, а также в престижные ИМЭМО, Институт США и Канады.

Перед тем, как начать анализ их демонтажных работ, следует подчеркнуть, что работы антисоветчиков, опубликованные до 1992 г., подвергающие критике марксизм, сопровождались ссылками на ... Маркса. Тогда у них еще не хватало смелости критиковать его в лоб. Но после 1992 г. они уже не скучились на бранные слова, доходящие порой до хамского оскорблении.

В качестве примера я хочу представить несколько статей новомышлистов из ИМЭМО АН СССР, самого влиятельного академического института в СССР, из чрева которого как раз и выползали прорабы перестройки, включая и таких ее асов как А.Н. Яковлев и Е.М. Примаков.

Начну со статьи, написанной до 1992 г. специалистами по США¹. Вот что они написали, видимо, находясь в полной пропастации от марксизма.

Авторы обнаружили такие явления в капиталистическом мире, которые и не снились в зоне социализма:

В настоящее время в развитых странах общество ставит перед собой широкие социальные цели — обеспечить благосостояние, улучшить качество жизни, сохранить природу, гарантировать полную занятость, безопасность, мир и т. д. (61)

А вот при социализме «человек оказался практически вне поля зрения» и главным принципом «обеспечения потребностей человека оказался так называемый остаточный принцип» (62). И это в то время, когда сам Маркс считал, что не позволительно «абстрагироваться от человека. Ведь в своих работах он обращался как к самим людям, так и к их “сущностям”» (там же).

И это пишут ведущие сотрудники ИМЭМО, один из которых — доктор экономических наук, зав. отделом, другая — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

1 Любимов, Яровая. Социально-экономическое содержание исторического процесса (на примере США) (Статья первая) // МЭ и МО, 1990, № 5.

Им явно невдомек, что в то время в таких развитых странах, как Испания, безработица достигала двухзначных цифр, в других поменьше, но тоже немало, а в США — около 15% населения жили по стандартам африканцев. И что этакое за «общество», которое ставит такие благородные цели? В каких это странах «цели» ставило «общество», а не государство, не правящий класс в стране, выдвинутый на политические посты крупной буржуазией (например, монополиями и олигополиями в США).

Об уровне слепоты высокоученых экспертов говорит и тот факт, что они или сознательно извратили Маркса, или действительно ничего не поняли из того абзаца, на который они сослались. Маркс как раз критикует мысль Сэя, который рассматривает «какой-нибудь народ в целом, а также человечество *in abstracto...*», а не конкретного «человека». То есть «неправильным» и «умозрительным» он считал рассматривать не «человека», а «общество как один единственный субъект»¹.

Они даже не понимают, несопоставимость сравнений в экономическом развитии между такими странами как КНР с населением в 1 130 млн чел. (на момент публикации их статьи — 1990 г.) и Тайвань (около 20 млн), СССР (300 млн) и Финляндия (5 млн). И они берут эти государства в качестве примера, утверждая, что отставание первых обусловлено «неразрешимыми противоречиями» между производительными силами и производственными отношениями, вызванными как бы утиранием первичности экономики, то бишь базисом. Даже без всякой политэкономии неужели не ясно, что «развивать» страну с населением более миллиарда многократно сложнее, чем с 20 млн, не говоря уже о нескольких миллионах как в Финляндии.

Эта пока еще не открытая, завуалированная атака на формационный подход, который-де игнорирует «человека социального», «отражающую новый этап в развитии обществен-

1 Маркс. Экономические рукописи 1857–1859 годов // МЭ, т. 46, ч. 1, 30.

ных отношений, социальных потребностей и предпочтений» (71). А вот в США в 1930-е годы эта концепция «социального человека» была взята на вооружение, далее получила развитие, которое учитывало подлинные человеческие потребности, «вплоть до высших потребностей личности — таких, как необходимость самореализации, духовного и физического совершенствования, творческой деятельности» (там же). И отсюда главный вывод всей статьи:

Смена способов жизнедеятельности — это основа прогрессивно-нарастающей линии исторического развития человечества. Это понятие шире, чем способ производства и в структурном отношении, и по существу. Оно включает не только производство средств существования, но и производство непосредственной человеческой жизни. *Смена исторических эпох* — это становление и утверждение новых способов жизни во всех сферах, поступательное развитие самого человека, а не только способов производства, новых форм соединения рабочей силы со средствами производства (74. Курс. мой. — А.Б.).

Вот такое словоблудие, не имеющее отношения ни к реальности капитализма, ни социализма выползло из-под пера, так сказать, научной элиты Института, считавшегося самым лучшим академическим институтом в СССР.

Как было сказано выше, после саморазрушения СССР антисоветчики сбросили забрала и перешли к прямой атаке на социализм, марксизм как науку и идеологию. Привожу в качестве примера статью д. э. н. М. Чешкова¹.

Он начинает с критики «ядра» старого политического мышления — теории общественно-экономической формации, которую он определяет как «особый случай прогрессивного (восходящего, усложняющегося и становящегося *необратимым*) процесса, в основе которого лежит движение вперед, вперед, вперед».

¹ Чешков. Понимание целостности мира: в поисках неинформационной парадигмы // МЭ и МО, 1990, № 5.

мым) движения, а именно — развитие, развертывающееся по схеме жесткой, инвариантной стадиальности; имеющее своим субъектом социальный «класс»; структурируемое в виде социума, в основе которого лежат общественные производственные отношения; характеризующее определенную эпоху в истории человечества» (34. Курс. мой. — А.Б.).

В таком «определении» у него формация — это «особый случай», процесс необратимый, движущийся по «жесткой схеме» (т.е. неизменный), в его основе — производственные отношения. Где у Маркса он вычитал такой бред? Марксисты так никогда не определяли категорию *формация*. Уже сама связь — субъект (формация)-предикат (особый случай) — говорит о том, что этот доктор даже не понимает, что субъект не определяется через предикат, который имеет бесконечное количество значений. О какой жесткости можно говорить, когда и Маркс, и Энгельс множество раз писали, что в тех или иных регионах политико-экономическое развитие шло иначе, в некоторых случаях с «откатом». И кроме того, «производственная» составляющая относилась к базису, а не к надстройке, из которых состоит категория *формация*. Подробно об этом писалось во многих работах советских ученых (Н.А. Симония, Г.И. Мирский) и особенно в работе В. Крылова, к которому мне еще придется обращаться не раз и не два¹.

1 Будучи студентом 3 курса Восточного факультета ЛГУ, я тоже к этой теме приложил руку на примере Японии. В курсовой работе под названием «К вопросу о рабстве в Японии» (1969 г.), в которой я как раз раскритиковал пятизвенную формационную структуру, показав, что в Японии рабства как формации не существовало. И, кстати, эта работа заняла первое место среди курсовых работ студентов Ленинграда того времени. Я это к тому, что никаких ограничений, тем более наказаний за такую «антимарксистскую» крамолу ни я, ни другие критики этой концепции, которой действительно придерживались советские ученые старой закалки, не было. О чем постоянно талдычат антисоветчики.

Чешков приписывает марксизму такой постулат: «Прогресс как основная форма движения и формационность как основной способ развертывания прогресса» (35).

Во-первых, этот доктор просто не знает, что означает понятие *прогресс*. Во-вторых, ни Маркс, ни Энгельс такую глупость нигде не говорили и не писали. В-третьих, о проблемах Третьего мира написаны в советское время горы литературы, в частности, эта тема разбирается в работах упомянутых Симония и Мирского и др. Отсюда глупо звучит суждение о том, «возможно ли иные — неинформационные силы прогрессирования, короче, возможен ли прогресс иным путем, нежели информационным» (36). Термин «неинформационные силы» — это просто абракадабра. И поскольку человек не понимает, что категория *формация* фиксирует политico-экономическую суть того или иного общества в первую очередь и только во вторую указывает направление движения этого общества, само понятие *прогрессивность* будет зависеть от идеологической позиции наблюдателя. Одни могут называть переход от рабства к феодализму и от него к капитализму прогрессом, другие регрессом. Например, американский экономист Дж. Рифкин, опираясь на второй закон термодинамики (закон возрастания энтропии), называет переход от феодализма к капитализму ужасным регрессом.

Еще один постулат, показывающий неграмотность антисоветчика Чешкова. Пишет: «Производственные отношения как базис общества. Напротив, данный постулат перестал работать в том смысле, что производственные отношения уже не определяют *полностью* облик социума: эту роль выполняют в не меньшей степени *отношения власти и культуры*» (39. Курс. мой. — А.Б.).

Где в марксизме сказано, что производственные отношения «*полностью* определяют облик социума? Этот экономист даже не понимает, что категория *формация* включает в себя два

самостоятельных понятия: базис и *надстройку*. Власть, культура относятся к надстройке, а не к базису, хотя, естественно, между базисом и надстройкой существуют сложные диалектические взаимосвязи.

Назвав еще несколько приписываемых марксизму принципов, на которых строится, дескать, категория *формации*, Чешков делает такой вывод:

Теперь, после экспозиции постулатов формационности, вернемся к исходному вопросу: может ли теория формации объяснить основные реальные противоречия современного развития? Представляется, что, оставаясь в пределах этой теории, мы не в состоянии понять ни перспективы нынешней ветви истории, ни тем более мировых *кругооборотов* истории, ни зарождающихся синхронных или астадиальных механизмов прогрессирования, ни растущей гетерогенности мировых социальных систем (40).

Чешков и ему подобные вышли за рамки теории формации. И что они объяснили? Или поняли? Какие «кругообороты» истории они поняли? Обвинив в ограниченности теорию формации, из которой, оказывается, вытекают и «идеи мирного сосуществования», эта теория стала «социально опасной», поскольку она неотделима от классовой борьбы как движущей силы мирового общественного развития. Далее он пишет:

Так же как стадиальность формационного развития (вернее, исходящая из этого постулата политическая практика) подводит человечество к катастрофе и сама формационность из способа развития превращается в способ уничтожения человечества, так и эти новые явления в какой-то мере предотвращают подобный ход событий, порожденный тупиковостью, исчерпанностью формационного типа развития (41).

То есть не законы капитализма, построенные на понятии *сила*, а теория формации и принципы мирного сосуществования ведут человечество к катастрофе. — Такова логика борцов против марксизма, против социализма. Я уверен, что и по прошествии

более 30 лет, когда именно демонтажники марксизма пришли к власти, в результате деяний которых Россия превратилась в фашистское государство и стала угрозой всему миру, антисоветчики остались бы при своем мнении. Ненависть к социализму просто отравила их мозги, не оставив ни одной извилины в мозгу даже для опоры на здравый смысл.

В то время взамен марксистской теории формации Чешков, как и аналогичные «ученые», предложили «мироисторический подход, который включает в себя в качестве частных случаев проблематику других подходов — «старого» (формационного) и новых (цивилизационного и глобально-экологического). Замечу, что мироисторический образ мира кажется — в силу взаимообусловленности истории людей и истории природы — вполне совместимым и с образом, выраженным в терминах биосоциальных закономерностей (синтез — деструкция, энтропия — негэнтропия)» (41).

Эти мудрецы даже не соображают, что категория *формация* и «мироисторический образ» просто, как они любят выражаться, не из одной парадигмы. Это все равно, что в один ряд поставить понятия *эволюция* и *мировоззрение* какого-нибудь невежды с научными регалиями. Поскольку такие люди не понимают, что они пишут, из них так и льется поток слов, которые вкупе демонстрируют их полное безумие. Вот еще один перл:

Развитие мировой структуры предстает как борьба двух тенденций — безграничности, которая вытекает из универсальности материального и духовного освоения мира, свойственной ее капиталистическому элементу, и ограниченности (а то и тупиковости) форм, отрицающих капитал. Именно их взаимодействие и создает катастрофическую историческую ситуацию, когда становится возможным прерыв, коллапс всемирно-исторического процесса (42–3).

Из этой бессмысленности просматривается только одна «мысль» — защита «капиталистического элемента» и самого

«капитала». И в любой болтовне о «мироисторическом образе» в подтексте всегда будет его величество КАПИТАЛ, как альтернатива всему, что этому капиталу противостоит: марксизму, ленинизму, социализму. И этот капитал непременно решает, по Чешкову, даже такие противоречия:

В ее пределах снимаются противопоставления природы и общества, социальных сил и индивида, предельности и безграничности развития и тем самым реализуется переход к тому состоянию, в котором происходит *присвоение человеческой сущности человеком и для человека* (естественно-гуманитарный синтез)¹. Принцип исторического разнообразия имеет здесь своим источником гармоничное сочетания социального и природного ... (43. Курс. мой — А.Б.).

Насчет «принципа» гармонического сочетания социального и природного, оставляю на совести автора, который, несмотря на введение экологической темы в свой мироисторический образ, видимо не знаком с реальной ситуацией о гармоничности социума и природы. В этой цитате важна сноска на Маркса и выделенная мной фраза о присвоении человеческой сущности человеком и для человека, которая как бы подтверждается и самим Марксом. Вот как на самом деле звучит эта фраза в его ранней работе «Экономико-философские рукописи 1844 г.»:

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый коммунизм*, есть только *форма проявления гнусности частной собственности*, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*.

2) Коммунизм α) еще политического характера, демократический или деспотический; β) с упразднением государства, но в то же время еще незавершенный и все еще находящийся под влиянием частной собственности, т.е. отчуждения человека. И в той, и в другой форме коммунизм уже мыслит себя как реинтеграцию или возвра-

1 Сноска автора: *K. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 116.*

щение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения; но так как он еще не уяснил себе положительной сущности частной собственности и не постиг еще человеческой природы потребности, то он тоже еще находится в пленах частной собственности и заражен ею. Правда, он постиг понятие частной собственности, но не уяснил еще себе ее сущность (там же. Подч. мной. — А.Б.).

Маркс подчеркивает, что даже в состоянии «грубого коммунизма», с упразднением государства происходит «возвращение человека к самому себе», а не в рамках искусственного мироисторического образа со всеми его бессмысленными атрибутами. Чешков — один из образчиков фальсификации марксизма со ссылкой-де на классиков, и это характерно практически для всех антисоветчиков, особенно российской закваски. Мне не раз и не два приходилось уличать их в подобной подтасовке, что подтверждает не только их невежество, но и моральное нутро лжецов.

В принципе бессмысленно анализировать их бред о «мировой общности», целостности и интеграции мира и прочие их «конституанты», поскольку у них просто отсутствует понятийно-категориальный аппарат, что приводит любые их рассуждения к элементарной болтовне, или, как сейчас принято говорить, «нарративу». Неслучайно все их прогнозы, построенные на «мироисторическом подходе», с треском провалились, как только Россия пошла по пути Нового политического мышления. И в этом немалая заслуга таких мудрецов, как М. Чешков.

РУССКИЕ: «БИТВА» ЗА ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Итак, демонтажники социализма, атаковав категорию *формация*, предложили заменить ее цивилизационным подходом. Причем, хотя термин «цивилизация» был в ходу у историков где-то с середины XVIII в.¹, но именно в конце XX в. и именно в России, он заиграл новыми красками, став не менее популярным, чем слово «перестройка». Чуть ли ни в каждой статье перестройщиков, касающейся их критики марксизма так или иначе всплывала тема формации, которая естественно-де устарела, не отражает и т.д., и потому необходимо заменить формационный подход каким угодно, только непременно антимарксистским. И в этом плане повезло именно термину «цивилизация», который в их понимании казался более человечным, менее материалистичным и более одухотворенным.

В книге адепта «цивилизационного подхода» историка И.Н. Ионова говорится, что этот подход начал внедряться еще с начала 1960-х годов такими авторами как М.А. Барг, Е.Б. Черняк, Ю.Н. Афанасьев, А.Я. Гуревич, И.Л. Рейснер, Б.С. Ерасов². Это те, кто впоследствии стали активными разрушителями идеологии социализма в СССР. Поначалу свой подход они выдавали как дополнение к формационному подходу, который им казал-

1 Впервые это слово употребил французский экономист Ан-Робер-Жак Тюрго в 1752 г., а в печати появился через четыре года в публикации экономиста и философа Виктора Рикети де Мирабо (отца великого революционера Оноре Габриель Рикети де Мирабо).

2 Ионов. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия, 3.

ся слишком экономизированным и детерминизированным. Как бы без души. Тогда они выдавали себя в качестве «творческих марксистов», находившихся под влиянием структуралистской школы журнала «Анналы», где ведущую роль играли Люсьен Февр и Фернан Бродель. Но уже в 1990-е годы «дополнения» к марксизму были отброшены и начались прямые атаки на марксизм, широко представленные в созданных ими альманахах «Цивилизация», «Цивилизации и культуры», «Россия и Восток: цивилизационные отношения». И хотя ни один из авторов не смог толком объяснить термины «культура» и «цивилизация», но сам термин «цивилизация» активно использовался для уничтожения ортодоксального марксизма. Как заковыристо пишет Ионов:

Именно на основе цивилизационного сознания создается представление о цивилизации как *аподиктический* образ, непроблематизируемое понятие, *ментальная*, а затем и как *когнитивная* карта, при помощи которой происходит членение знаний о прошлом, ориентация в исторических источниках и интерпретация новых знаний (107. Курс. мой. — А.Б.).

А вот без такого сознания «членение знаний о прошлом» не происходило. Видимо, мы все воспринимали прошлое как нерасчлененный поток событий. А вот благодаря неопределенному ими термину «цивилизация» мы всё расчленели и всё поняли.

На самом деле суть такого «цивилизационного сознания» заключается в следующем, о чем откровенно сообщает тот же историк Ионов:

В этих условиях необходимо было сформировать новые основы общественной интеграции, *отличные* от тех, которые объединяли советское общество, т.е. *новое социальное сознание и новую историческую память*, переосмыслив как место России в мире, так и соотношение внутренних социальных сил и духовноидеологических традиций (425. Курс. мой. — А.Б.).

Проще говоря, задача заключалась в том, чтобы выветрить социалистическое сознание, заменив его на буржуазное, заклеймить все советское и возвеличить все антисоветское. Что и было блестяще сделано с уникальным для России результатом: страна скатилась не просто на обочину мировой истории, но превратилась в один из самых опасных источников мировой катастрофы.

После внедрения «цивилизационного подхода» его сторонники обнаружили, что он ведет не к тем результатам, на которые они рассчитывали. И тут они нашли такое объяснение, по крайней мере в представлении историка Ионова:

Основная проблема России — не традиционность ее культуры, а неспособность перейти от традиционной к либеральной цивилизации, «промежуточный характер» и циклическая форма развития ее цивилизации (по типу «реформа-контрреформа»). Россия развила неорганичность, нестабильность своего цивилизационного статуса в особое системное качество «промежуточной цивилизации», стимулирующее деструктивные тенденции социокультурного воспроизводства, в частности раскол культуры и общества, воспроизводящий их неорганичность (432–3).

Почему она, Россия, неспособна к либеральной цивилизации, подробно объясняет социолог И. Яковенко, который к критике советского прошлого добавил критику православия, народной культуры и российского государства, так сказать, критику всей истории России. Сам он выступает за «тотальную вестернизацию», которая явно не по плечу русскому народу и от этого все беды не только России, но и Европы¹. Я не собираюсь детально останавливаться на его аргументах, поскольку они уже к теме о цивилизации никак не относятся, а строятся на базе стандарт-

1 В настоящее время, социолог и блогер И. Яковенко активно выступает против режима Путина со стороны Украины, очевидно, не догадываясь, что именно благодаря таким как он и возник этот режим.

ного буржуазного сознания с размытыми терминами и густо засоренным англоязом, характерным для всех антисоветчиков.

Кстати сказать, этот историк Ионов подтверждает сказанное мной не один раз: как антисоветчики извращают марксизм. Он в своей книге, говоря о противниках цивилизационного представления, пишет, что среди них были К. Маркс и Ф. Энгельс, «провозглашавшие классовую обусловленность всякой самоидентификации и социально-исторического знания, а также критиковавшие идеал цивилизации как буржуазный» (23. Курс. мой. — А.Б.). При этом он сослался на их работы с указанием источников (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т. 3. С. 32; Т. 19. С. 185–230; Т. 21. С .176-178). Я проверил эти источники, в которых ни слова не говорится о цивилизации, тем более как «идеале», а речь там идет о движущих силах истории и формационной специфике каждого этапа. Такого и не могло быть, поскольку в их времена не возникало споров вокруг термина «цивилизация», и критиковали они буржуазных ученых совсем не за это.

Возвращаюсь к теме Цивилизация. Помимо упомянутых выше борцов против марксизма, цивилизационный подход был взят на вооружение чуть ли ни сотней новомышлистов, о чем подробно расписано в работе Н.М. Морозова¹, к которой мне еще придется вернуться. Правда, надо признать, что дровишки в костер подкинул и знаменитый С. Хантингтон своей книгой «Столкновение цивилизаций», опубликованной в 1997 г. на Западе и переведенной на русский только в 2003 г. Эта книга вызвала ажиотаж на Западе, но в еще более бурной форме в России, поскольку идеи Хантингтона резко противоречили теории Евразийства, в которой термин «цивилизация» играет ключевую роль.

1 Морозов. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв.

Но, видимо, к своему удивлению, все поклонники цивилизационного подхода столкнулись с неожиданной трудностью. Оказалось, не так-то просто дать определение термину «цивилизация». Как отделить термин «цивилизация» от термина «культура», которые нередко совершенно неосознанно употребляются как синонимы. Поначалу многим показалось, что это не так сложно и начали давать такие определения. Вот один из демонтажников В. Студенцов определил цивилизацию так:

Цивилизация в широком смысле слова определяется как уровень и тип развития человеческой культуры. В узком смысле цивилизация может быть охарактеризована как особенная историко-культурная традиция¹.

То есть Студенцов определил термин так, что субъект совпадает с предикатом. Иначе, цивилизация есть культура. А «узкий смысл» предполагает, что уровень культуры любого племени, скажем, первобытного общества, можно определить как цивилизацию, поскольку историко-культурная традиция племени в Папуа-Новой Гвинеи наверняка отличается от традиций племени, скажем, ава из бассейна реки Амазонки.

Но если не проходит такой вариант, тогда может ли религия быть в качестве критерия? Пишет: «Но верно и то, что на Земле сегодня много цивилизаций — христианская, исламская, буддистская, индуистская и т.п» (54). Поскольку у нынешних племен «историко-культурная традиция» религию не предусматривает, они остаются вне цивилизации. Впрочем, как и атеистические государства типа саморазрушившегося СССР и нынешнего Китая.

Правда, автор оговаривает, что понятие *цивилизация* и категория *формация* действуют в «разных системах координат».

¹ Студенцов. Общечивилизационный и формационный подходы: скептический взгляд // МЭ и МО, 1991, № 6, 52.

И тем не менее «именно поэтому можно говорить о том, что смена формаций — путь развития человеческой цивилизации» (там же). Автор даже не заметил, что он формулирование превратил в субъект, а цивилизацию в предикат, соподчинив первое второму. Такая колобродь вызвана тем, что он не понимает механизма формулирования понятий, поскольку не понимает сути, содержания этих терминов. Следующая фраза демонстрирует это:

Понятие формации — это только *инструмент* научного познания действительности. Это не более как общепринятый способ упорядочить факты действительности. И не удивительно, что далеко не все эти факты последней укладываются в прокрустово ложе теории, сформулированной более ста лет назад (там же. Курс. мой. — А.Б.).

Не говоря уже о непонимании соотношения субъекта и предиката в определениях, он также не осознает, что употребляемые им термины *инструмент, теория, подход* являются практически синонимами, которые он путает с термином *методология*. На самом деле, когда он предлагает заменить категорию *формация* на понятие *цивилизация*, он меняет методологию познания всего окружающего мира со всем присущим различным методологиям терминологическим инструментарием и базовыми принципами. Эту идею понимали авторы, скептически настроенные относительно «цивилизованного подхода». В те времена их были единицы, но они были. Так один из них, А.В. Полетаев, справедливо усматривая этот подход как антитезу подходам классовому и формационному, в одной из статей писал:

Однако, на наш взгляд, цивилизация и формация принадлежат к разным понятийным рядам, характеризующимся различными субъектно-объектными отношениями. Сам же неологизм «цивилизационный подход» пока представляет собой не более, чем пробу пера¹.

¹ Полетаев. А есть ли смысл в «цивилизационном подходе»? // МЭ и МО, 1991, № 6, 64.

Конечно же, это не «проба пера», а атака на целую идеологию. И это не разные «понятийные ряды», это разные идеологии, разные мировоззрения, о чём большинство демонтажников писали и говорили откровенно. Если бы Маркс и марксисты внесли тот же сумбур в понятие *цивилизация*, какой внесли они сами, они все равно бы накинулись на марксистов хотя бы уже потому, что марксисты против либеральных ценностей, против свободы в либеральном понимании и вообще против капиталистической «цивилизации».

В связи с темой «Цивилизация» любопытна книга вышеупомянутого Н.М. Морозова, который пытался объяснить популярность этой темы после крушения СССР. Наконец-то, с облегчением восклицает Морозов, «В исторических науках были преодолены идеологические барьеры и господство формационной теории»¹. Тем не менее этого автора отличает от злобных антисоветчиков то, что он, во-первых, осознает необходимость дать четкое определение этому термину, даже процитировав Рене Декарта, сказавшего: «Верно определяйте слова, и вы освободите мир от половины недоразумений». (Идея, повторенная многими крупными мыслителями.) Во-вторых, пытается быть объективным, предварительно указав на некоторых российских социологов, скептически относившихся к «теории цивилизации». В частности, он приводит высказывание М.А. Барга, который в одной из статей констатировал: «Несмотря на двухвековую историю, термин “цивилизация” так и не приобрёл самостоятельного категориального смысла» (15). Привел он также высказывание и упомянутого мной выше историка И.Н. Ионова, который в одной из своих работ утверждал: «В результате статус теории цивилизаций, остаётся непроясненным. Не до конца понятно, сохраняет ли эта теория позитивное значение для социально-исторического знания»

1 Морозов. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв., 3.

(16). Но демонтажников такие мелочи, понятно, не волновали, главное — заменить формационный подход на цивилизационный. В изложении И.В. Побережникова, суждение которого приводит автор, дело заключается в следующем:

Если в формационной версии процессность связывалась с видоизменением преимущественно политico-экономических основ общественной жизни, детерминируемых отношением к собственности, то в наиболее разработанной отечественной модернизационной версии её содержание должно наполняться смыслами разнообразных социальных изменений.

Объединяющим признаком для четырёх вышеназванных подходов, равно как и для соответствующих теорий, стало максимальное проявление их эвристических возможностей в рамках классической научной рациональности (47).

«Эвристическая возможность» после игры во всяческие заумности с использованием наукояза из арсенала англояза привела самого автора к такой мудрости:

Локальная цивилизация определяется нами как часть человечества, проживающая в пространстве и во времени суперэтноса, объединённая комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации (там же).

Что означает «суперэтнос» не определено, а поскольку любой этнос проживает в «пространстве и во времени...», то можно считать цивилизациями любые племена, на какой бы стадии своего развития они ни находились. Но сей бред Побережников и другие демонтажники не замечают. Зато они проявили «максимальную эвристическую возможность», которая, кстати, особенно развита почти у всех пациентов с заболеванием психики. Но в России, после распада СССР, психбольницы, видимо, позакрывали и их пациенты, наконец-то почувствовав свободу на демократическом пространстве, на полную мощь выдали свои «эвристические» возможности. Сам автор называет несколько десятков имен из этой когорты, за исключением

двух-трех имен, о которых я и не слышал во время проживания в Советском Союзе.

В заключении автор повторяет вышеприведенные определения, добавляя к ним еще третий пункт:

— теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, сфокусированных на неоклассической интерпретации проблемы менталитета в истории общества, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основе принципов цивилизационного подхода (385).

О «принципах» этого подхода напрямую нигде не было сказано, равно как и о «совокупности» концепций. Но автор блестяще воспроизвел содержание английского слова «менталитет», основное значение которого является «больной на голову», повторив обычную абракадабру, как и все демонтажники категории *формация*.

Вообще-то, читая весь этот бред современных ученых в России, перестаешь удивляться развалу страны, который является неизбежным в силу «эвристического уровня» аналогичных мозгов руководителей этой страны.

Но, прежде чем подтвердить эту мысль, есть смысл ознакомиться с другими демонтажниками марксизма.

Цивилизация и культура

Как уже было сказано много раз, многие социологи, пытаясь сформулировать понятие *цивилизация*, в конце концов скатываются к такому его определению как *культура*. В таком варианте определяли цивилизацию, например, английский историк А. Тойнби и популярный среди российских демонтажников американский социолог П. Сорокин. Но оба термина превращались у них в синонимы. Некоторые ученые, правда, делали несущественные уточнения. Так, В.М. Сергеев, автор одной из глав учебника по международным отношениям под названием «Взаимодействие цивилизаций и культур в современном мире: старые проблемы, новые вызовы» пишет:

Иерархия культурных различий должна иметь какой-то предел сверху, а значит, существуют самые крупные культурные общности, интегрировать которые способно только представление о мировой культуре, – такие макрокультуры принято называть цивилизациями. Исследователи расходятся в оценке количества нынешних цивилизаций, но более или менее общепринятым является представление о наличии следующих цивилизаций: евроатлантической (христианской), исламской, индуистской, буддийской и конфуцианской. Нетрудно заметить, что эта классификация основана на религиозных признаках. Возможно, и другие систематизации, выделяющие в качестве отдельных цивилизаций латиноамериканскую и африканскую» (курс. мой. — А.Б.).¹

1 Современные международные отношения и мировая политика, 438.

Автор явно не осознает тот факт, что расхождения в оценке количества нынешних цивилизаций как раз и вызвано тем, что отсутствует понимание сути данного понятия, поэтому в него можно впихивать что угодно. Причем Сергеев даже не замечает, что, если буддизм, индуизм и ислам разные цивилизации, это будет означать, что Индия как целостное государство будет состоять из трех цивилизаций, а Япония из двух, поскольку их синтоизм мирно существует с буддизмом. Не замечает он также и то, что «другая систематизация», которая может быть применена к Латинской Америке и Африке, уже будет исходить из критерия «континентальности», поскольку население многих стран этих континентов исповедует не только христианство и ислам, но даже верования первобытных божеств (божков). То есть в данном случае сопоставление культуры и цивилизации не помогло развести эти два понятия.

Сказанное выше красноречиво подтверждается в учебнике «Культурология», написанном доктором филологических и философских наук П.С. Гуревичем, на которого довольно часто ссылаются демонтажники¹. Любопытно, этот доктор определяет культурологию как «науку о множественности культур, об их уникальности и несходности», при этом не сформулировав само понятие *культура*. Гуревич оправдывает это тем, что «по подсчетам американских культурологов, с 1871 по 1919 было дано семь определений культуры; с 1920 по 1950 — 150. В отечественной литературе насчитывается более 400. Сейчас уже четырехзначными цифрами» (32). Сам он не рискнул дать 401-е определение. Но при этом заговорил о цивилизации, сославшись, понятно, на А. Тойнби, О. Шпенглера² и, конечно, русских авторитетов по данному предмету, в частности на П.А. Флорен-

1 См.: Гуревич. Культурология: Учебник.

2 Шпенглер, между прочим, не употреблял термин «цивилизация», а писал о культуре.

ского и Н.Я. Данилевского. Первый писал: «Человек, который изобрел колесо, — творец культуры. Работник, который прилагает колесо на оси — человек цивилизации. Цивилизация — это, условно говоря, вещественное воплощение культуры. Так обнаруживает себя проблема, которая в XX в. получила название “проблема культуры и цивилизации”» (42).

Исходя из такой «парадигмы», мы изобретателей относим к культуре, а прикладников (тех, которые прикладывают изобретения к практическим потребностям человека) — к цивилизации. При таком раскладе, естественно, не могла не возникнуть проблема «культуры и цивилизации». Хотя этот вариант, как подчеркивает философ, не может «полностью раскрыть тайну превращения обезьяны в человека» и прочие секреты социальной жизни. Понятно, что эволюционной теории здесь также не все подвластно (50). На самом деле все значительно сложнее, пишет автор учебника. На самом деле «Мы воспринимаем теперь наше прошлое как чередование крупных целостных образований, моделью которых может служить античная культура. Одним из них, хотя и незавершенным, является западноевропейская культура. Таким образом, *цивилизация* становится основной категорией современной исторической науки» (55. Курс. мой. — А.Б.). Видимо, сам автор не заметил, как культура у него в следующем предложении превратилась в цивилизацию. Он неоднократно повторяет, как трудно дать строгое определение понятию *цивилизация*. Но все-таки решил дать такое определение:

Фактически под цивилизацией понимается культурная общность людей, обладающих некоторым социальным генотипом, социальным стереотипом, освоившая большое, достаточно автономное, замкнутое мировое пространство и в силу этого получившая прочное место в мировом раскладе (57).

Философа явно подводит его филологический «менталитет», который не позволил ему осознать сказанную нелепицу, имея

в виду, что «культурной общностью», «социальным генотипом и социальным стереотипом» обладают и племена в бассейне Амазонки, которые достаточно автономны и замкнуты, хотя и в крошечном, но тоже в «мировом пространстве», правда, не получив прочного места в мировом раскладе. Почему-то у меня язык не поворачивается назвать такую общность цивилизацией, впрочем, как и многие другие «общности», которые такими авторами как Гуревич называют цивилизациями.

Но что не может не удивить, несмотря на это, Гуревич не смущает делать заявления следующего свойства: «Как видим, понятие “цивилизация” еще не определилось, хотя ни у кого нет сомнения относительно того, что «“цивилизация” является основным феноменом исторического развития» (там же).

Сказанная бессмыслица не вызывает у него никаких сомнений, поскольку такая же неопределенность не смущала даже его авторитетов в лице упомянутых Тойнби, Шпенглера, Флоренского и Данилевского. Он нам напомнил, что понятие «культурно-исторический тип» у Н.Я. Данилевского «включало в себя и культуру, и цивилизацию, оно нередко отождествлялось философом то с культурой, то с цивилизацией» (72–3). Единственное, что он «забывает» заметить, так это то, что все названные авторы не противопоставляли свое понимание культуры и цивилизации марксистской категории *формация*, столь ненавистной всем демонтажникам. Для них действительно эти два термина являлись синонимами, о чем говорят разъяснения Данилевским пяти законов, вытекающих из группирования явлений цивилизации по культурно-историческому типу. Например, «Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу... Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. ... Закон 4. Цивилизации, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда дости-

гают полноты, разнообразия и богатства...»¹. Я не вдаюсь в анализ законов Данилевского. Хочу только подчеркнуть, что для него культура и цивилизация — синонимы. Не случайно чуть выше он пишет:

Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) Египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-авилоно-финикийский, халдейский, или древне-семитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арийский и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американских типа — мексиканский и перуанский, погибшие насильственною смертью и не успевшие совершить своего развития (74).

В принципе в таком же духе писали позже и Тойнби, и Хантингтон. Но и у Данилевского вся проблема заключалась в отсутствии четких определений как культуры, так и цивилизации. Поэтому вряд ли его законы отражали объективную действительность. Но нужно отметить один момент, который должен быть неизбежно упомянут в обоих терминах в качестве понятий — это момент созидательности, прогрессивности, то есть ведущий к прогрессу. У большинства же демонтажников главный упор делается на опровержении марксистского представления о движении человечества к прогрессу через смены формаций, в которых, дескать, нет места для человека.

В принципе на этом можно было бы и завершить представления российских демонтажников об обсуждаемом предмете, поскольку, надеюсь, и так ясно, чем оно было вызвано и чем оно завершилось. Но среди работ одного обширного сборника мне попался доклад, где тема цивилизации была раскрыта такими англоязычными словесами, которые придали теме

1 Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому, 77.

очень наукообразный сленг, характерный для всех разрушителей социализма из сообщества либерал-демократов. Я не мог пройти мимо этого доклада хотя бы из уважения к женщине, обремененной множеством научных титулов. В данном случае я имею в виду доктора и профессора философии из МГУ О.Ю. Бойцову, которая, судя по ее языку, явно начиталась западной литературы, чтобы раскрыть этот «концепт» цивилизации¹. Она информирует, что понятие *цивилизация* настолько общо, что давать ему дефиницию (определение) через род и видовое отличие «веселья затруднительно». (Хотя надо было сказать — невозможно.) Она полагает, что этот термин обладает «моноцивилизационной парадигмой», т.е. существуют не множество цивилизаций, а одна, хотя и имеющая различные стадии. Поэтому «существенным в понимании цивилизации оказывается не специфика, а типологическое сходство различных обществ» (80). И в этой связи она пытается развести понятие цивилизация и культура, подчеркивая тем самым их «специфику». Эту мысль она выразила следующими красивыми словами: «К примеру, “культура” противополагается “цивилизации” как креативное репликативному (О. Шпенглер) или специфичное универсальному (Н. Элиас)» (82). Первая часть фразы по-русски означает: «...как творческая переформулировка» (досл. — копирование, повторение). Ученая дама хотела сказать, что эти два понятия различаются по своей сути, но употребив англояз, у нее получилось, что фактически они синонимы, только выраженные различными словами. Именно об этом говорит концовка этого предложения, поскольку «специфичное» и «универсальное» относятся друг к другу точно так же, как

1 Бойцова. «Цивилизация» как политико-философский концепт // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина.

«особенное» и «всеобщее» в известной триаде Гегеля (единичное–особенное–всеобщее). И подтверждает сказанное ссылкой на Бердяева (одним из самых любимых, как они полагают, философом; на самом деле «теософом»). Пишет:

У Н.А. Бердяева антитеза предстает в более развернутом виде – в нее включена оппозиция сакрального и мирского, аристократичного и демократичного, индивидуального и коллективного: «Культура имеет религиозные корни... Культура – символична по своей природе... Цивилизация всегда имеет вид *parvenu*... Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся» (там же).

Раз «антитеза» — значит разные явления. И Бердяев в естественном для его мировоззрения духе четко одухотворил божественностью культуру, отделив от нее цивилизацию с ее мирскими и прочими технологическими пакостями, на которых он откровенно обрушился в своих работах об искусстве. В частности, в сборнике «Кризис искусства», указав на то, что мы, русские, слава богу, «наименее приспособлены к ее машинности, к ее скорости, к ее вихревому движению, наиболее сохранили и старые душевые добродетели и старые душевые грехи и пороки»¹. И тем не менее Бердяев верно усмотрел, что культура — это действительно особенное, индивидуальное, а цивилизация — общее, повторяющееся. Это очень важное утверждение, намекающее на иерархию между субъектом и предикатом.

Философ Бойцова, очевидно не понимая структуру определения понятий, далее указывает на две версии толкования культуры и цивилизации с той точки зрения, какое понятие «более широкое», которое на самом деле превращается в категорию. Она указывает, что одни считают, что цивилизация

1 Бердяев. Кризис искусства, 21.

является составляющей культуры, другие, наоборот «культура есть фундамент цивилизации», или, выражаясь ее научным англоязом, «культурной ориентацией» (или даже «культурной онтологией»), которые порождают специфические «смысловые универсумы» и продуцируют их институциональное воплощение в «цивилизационных комплексах» (83). Она, видимо, полагает, что «культурные онтологии» и «смысловые универсумы» понятны всем, хотя я уверен, что ученый-философ сама не понимает, что нагородила, что подтверждается следующей ее фразой: «В этом случае с “культурой” соотносится самобытность духовных основ, а с « “цивилизацией” — общие формы социального взаимодействия» (там же).

Попробуйте на основе таких умозаключений проанализировать любое явление общественной жизни, в которых ключевые понятия растворены в словах «самобытность» и «взаимодействие», имеющих неограниченное смысловое содержание. Наговорив кучу научных слов, демонстрирующих ее сопричастность к высокой науке, которую скорее можно назвать бессмыленным наукоязом, она всерьез уверяет, что понятие *цивилизация*, которое так и не было ею «дефинировано», демонстрирует «широкие операционные возможности», поскольку, дескать, «“интегративная концепция” способствует объединить в понятии “цивилизация” значения типологической единицы измерения истории человечества, с одной стороны, и качественной характеристики общества, с другой» (87). При этом Бойцова приводит в качестве авторитетов ряд авторов, ни один из которых не смог определить, что такое цивилизация и чем она отличается от культуры. Чувствуя, что все-таки этот политико-философский «дискурс» является каким-то незавершенным, она надеется, что «оптимальной и самой желаемой перспективой была бы его *консенсусная концептуализация*, способная превратить обсуждение цивилизационной проблематики в плодотворную дискуссию исследователей, го-

ворящих на общем научном языке» (87. Курс. мой. — А.Б.).

Эта дама-философ, купаясь в своем научном англоязе, видимо, даже утратила главную причину копания своих соратников ученых-демократов в понятии *цивилизация*, которое стало плодородным полем для бесконечных дискуссий. Демонтажников как раз может напугать «консенсусная концептуализация», которая могла бы поставить окончательную точку в их спорах. Другое дело, что к согласию на этот счет они никогда не придут, поскольку они говорят не на «научном языке», а на политизированном, извлеченном из анналов языка позитивистов и прочих либерал-демократических социологов, хотя и не в столь красочной форме, в какой выражается Ольга Юрьевна Бойцова. Настоящий боец за Цивилизацию!

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА

Надо сказать, что в рядах низвергателей марксизма не обязательно находились ненавистники марксизма или антисоветчики, хотя их и было большинство. Для них, особенно после разрыва СССР и возникновения РФ, с одной стороны, марксизм как бы оказался не у дел, с другой — он не подходил как теоретическая база для утверждения особой роли России, имея в виду резкое падение престижа страны на мировой арене в результате разрушения экономики и в целом скатывания государства на вторые и третьи роли в системе мировых отношений. Как бы в ответ на это по-новому заиграла было устаревшая концепция Евразии, которая как бы превращала Россию в центр мира, связывающую Запад и Восток в некое единое мировое пространство. И поскольку в этой концепции различные материальные факторы, такие как экономическая мощь, научный потенциал и т.д., не имели особого значения, а на поверхность всплывали духовные, нематериальные факторы, то понятие *цивилизация* подходило как нельзя кстати для утверждения этой концепции. Хотя приверженцев Евразийства насчитывается великое множество, среди них особый статус в силу своего поста и высокого научного звания занимал академик М.Л. Титаренко, возглавлявший Институт Дальнего Востока (Москва). Он считается одним из разработчиков концепции «Нового евразийства». Мне неоднократно приходилось критически разбирать его работы, касающиеся международных отношений, которые на самом деле имели отношения не к науке, а к элементарной журналистской пропаганде, впрочем, как и ра-

боты большинства академиков и членкоров России. Главный недостаток таких работ заключался в том, что они писались на уровне «здравого смысла» в поддержку той или иной линии партии и правительства в соответствии с официальными установками власти, каковой бы она не была на момент написания. Академик Титаренко не был исключением. Далее я даю выжимки из ранее написанных работ, касающихся тем цивилизации и культуры.

М.Л. Титаренко о цивилизации и культуре

В книге «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» академик Титаренко много пишет о цивилизации и культуре, в частности в главе «Россия и Китай в межцивилизационном диалоге»¹. На этих понятиях академик решил остановиться подробнее. В отношении цивилизации он процитировал известного американского социолога П. Сорокина, который, дескать, развел теорию Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах как основе локальных цивилизаций. Из последующих рассуждений видно, что Титаренко как бы соглашается с формулировками Сорокина. Посмотрим, как американский социолог определил это понятие. Вот эта цитата:

В безграничном «океане» социокультурных явлений существуют крупные *культурные* системы, иначе называемые *культурными* суперсистемами или же *цивилизациями*, которые функционируют и как реальное единство. Они не совпадают с государством, нацией или любой другой социальной группой. Обычно границы

¹ Титаренко. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии.

этой культурной сущности перекрывают географические границы национальных, политических или религиозных единиц (54. Курс. мой. — А.Б.).

Из этой цитаты очевидно, что, по Сорокину, термин «цивилизация» синонимичен термину «культура». Другими словами, он не разделил эти понятия, а следовательно, не определил ни одно из них, поэтому они в научном смысле просто неоперабельны.

Далее Титаренко пишет: «По Данилевскому, Гумилеву и Тойнби, век цивилизации насчитывает около двух тысяч лет. Исключение составляет китайская цивилизация – более 5 тыс. лет непрерывной истории» (там же). (А Индию, которой тоже около 5 тыс. лет, академик лишил цивилизационного флёра.)

Очень хорошо. Только где, в каком месте какого произведения эти ученые дали определение понятию *цивилизация*. В работах названных авторитетов, включая Арнольда Тойнби, я такого определения нигде не встречал, а встречал те же самые описания, в которых слово «цивилизация» перемежается со словом «культура».

И между прочим, сам же Титаренко через несколько страниц пишет:

Такое положение дел отражается и на понимании категории «цивилизация», определяемой через культуру. Цивилизацию называют «культурой в широком смысле слова», «культурной целостностью», «собиранием культурных характеристик и феноменов», «культурой городов», «судьбой культуры» и т.д. В результате возникает такое многообразие определений цивилизации, которые не углубляют и не дополняют друг друга, а вносят сумятицу и путаницу в теорию и практику (105).

И здесь я с ним не могу не согласиться. А вот далее начинается «курьез». Академик пишет:

Как представляется, решение этой проблемы в значительной степени может быть облегчено путем выявления ключевого принципообразующего подхода в восточных культурах, например, в китайской цивилизации — принцип Дао, индийской — Ом, западноевропейской — Логос или русской — Глагол. Такой метод определения культур и цивилизаций берет за основу структурно-функциональный архетип цивилизации (там же. Курс. мой. — А.Б.).

Автор только что критиковал смешение терминов «цивилизация» и «культура» и тут же сам предлагает подход, который не дает различия между этими терминами, т.е. не выводит их на понятийный уровень.

Можно, конечно, оспорить и сам метод из-за его неадекватности для формулирования названных еще-не-понятийных-терминов. Первые два принципа (Дао и ОМ/Аум) берутся из философско-религиозных представлений, второй — из типа мышления европейцев как мышления рационального, последний, явно взятый из стихотворения Пушкина «Пророк» («глаголом жги сердца людей»), видимо, должен означать... черт-те что. Но тут нужно дать слово евразийцу и космисту, доктору философских наук Анатолию Лукьянову, у которого, не исключаю, иписан вышеупомянутый «метод» академика Титаренко. Вот что пишет на сайте «Мир России» в статье «Росс и Дао» (в 2004 г.) профессор Лукьянов:

Глагол — это и есть то значение, которое вкладывается в слово Росс, и в этом значении архетип Росса уравнивается с архетипами Дао, Логоса и Ом, которые тоже имеют основное значение глагола (слово, глагол, говорить, глаголить). Пророк Пушкин отправился глаголом поднимать этническую духовность, а нам же остается только верно внимать и распознавать в его виршах песнь Росса.

Хотя из пассажа этого евразийца я ничего не понял, но сейчас речь не о «глаголах и существительных». Здесь важно только подчеркнуть, что академик, не разобравшись в этих важных

понятиях, в последующем будет писать о том, как цивилизации должны взаимодополнять и дружить, особенно русская цивилизация с китайской. К этому еще следует добавить, что он просто не владеет методикой определения понятий, что свидетельствует о том, что труд Гегеля «Наука логики» ему незнаком. Хотя, не исключаю, что Гегеля он и проходил во время учебы в университетах. Но не «прошел».

Наверное, не стоило бы обращать столь пристального внимания к концепции евразийцев, если бы она не была положена в основу реальной внешней политики РФ до момента ее агрессии против Украины в феврале 2022 г. С этого момента эта политика была заменена на политику уничтожения Запада, по крайней мере ее европейской части, с помощью Азии, к которой, правда, стали подключать и страны Африки вместе с некоторыми странами Латинской Америки. (Это те, которые сильно ненавидят Запад, особенно США.) Причем новая идея кардинально поменялась, став концепцией защиты «русского мира», который, оказывается, распространяется на весь мир. Эта концепция пока еще не сложилась, и, скорее всего, из-за того, что к ней не могут подобрать удачного звукосочетания (Афrozийство? Еврафрозийство?). Но все впереди. А пока о Евразийстве.

Доктрина Евразийства¹

Для начала о критерии, который выбрали апостолы Евразии, — Цивилизация. Оказывается, на указанном пространстве «взаимодействует восемь локальных цивилизаций пятого поколения (Западноевропейская, Восточноевропейская, Евразийская, Китайская, Индийская, Японская, Буддистская и Мусульманская) и девять цивилизационных объединений (Евросоюз, ЕАЭС, СНГ, ШОС, АСЕАН, Организация исламского сотрудничества, Лига арабских государств, Организация черноморского экономического сотрудничества, Союз для Средиземноморья)»². В других докладах я встречал еще термин «Атлантическая цивилизация»³.

Из этого уникального утверждения вытекает, что выше-nазванные организации строились на основе цивилизационного единства: то есть Евросоюз объединил европейскую цивилизацию и т.д. Непонятно, какую цивилизацию объединил АСЕАН (учитывая, что в странах этой организации живут и мусульмане, и буддисты, и христиане). И совсем непонятно, какие цивилизации объединили организации, покрывающие Черное море и Средиземноморье. Может получиться, что та-

1 Эта часть является сокращенным вариантом статьи «Формирующий миропорядок и интеграционные процессы в современном мире» // См.: Бэттлер. «Евразия»: иллюзии и реальность.

2 Яковец, Растворцев. Доклад. Большая Евразия, 12–13. Этот Доклад я взял за основу анализа темы Евразия, поскольку в нем сконцентрированы все идеи концепции Большой Евразии.

3 См.: Материалы Московской конференции по европейской безопасности: МО. Основная тема: Путин и Шойгу о противодействии Америке и Атлантической цивилизации.

кие страны Средиземноморья, как Испания, Италия, Франция и т.д. не войдут в Западноевропейскую цивилизацию, поскольку омываются Средиземным морем. Не пояснили авторы также и то, кто входит в «Атлантическую цивилизацию»? Ведь эта Атлантика омывает не только Европу, но и Африку, Латинскую Америку и даже Северную Америку с их Штатами. У меня не очень укладывается в голове, что африканцы, латиноамериканцы и североамериканцы относятся к одной цивилизации. Правда, особо рьяные евразийцы могут сказать, что живут же негры, т.е. афроамериканцы в Штатах. Живут. — Значит одна цивилизация.

Тогда другой вопрос: если Западная Европа входит в Атлантическую цивилизацию, то куда исчезает Западноевропейская цивилизация? Ведь смысл концепции Евразии — это противопоставить в том числе и Европу агрессору — США. К тому же с Атлантической цивилизацией, куда входила бы и Европа, сама Евразия выглядела бы не солидно: целая группа развитых государств досталась бы ненавистным США. Но русских небогрёзов такие пустяки не волнуют.

Что такое Евразийская цивилизация, не понятно вообще. Может быть, это русская цивилизация, народ которой умудрился населить и Европу, и Азию? Или это русские, казахи, узбеки и туркмены являются собой, так сказать, один цивилизационный узел? Ведь все они проживают не только в Азии, но и в Европе. Эту загадку примитивному европейскому уму не одолеть. Который может задать и такой вопрос: почему одни цивилизации определяются через религию, другие — через моря и океаны, третья — через континенты. Такой вариант мышления не предусмотрел даже Гегель в своей «Науке логики».

Между прочим, через религию — христианство — можно было бы объединить всю Европу и всю Россию. Получился бы мощный евразийский анклав, правда, уже без мусульманских

евразийцев, которые, как было отмечено выше, тоже проживали на этой территории. Хотя, возможно, апостолы этого не сделали, вспомнив, как внутри этой цивилизации одни христиане колошматили других христиан (католики и протестанты) и как западные христиане совместно агрессировали против православных христиан. В этом смысле чутье их не подвело.

Ну, допустим. Поскольку в обозначенном перечне появляются такие странные цивилизации, как Западноевропейская и Восточноевропейская, а также Евразийская и еще такие две, похожие друг на друга — Буддистская и Индийская цивилизации, было бы резонно для начала сформулировать понятие *цивилизация*. Ведь именно это понятие и является критерием выделения региона Евразия. Тем более что в мире, по мнению евразийцев, происходят такие колоссальные события: «С конца XXI века (авторы явно имели в виду “с конца XX века”) в мире развернулся цивилизационный кризис, обусловленный сменой сверхдолгосрочных цивилизационных циклов – закатом индустриальной и становлением интегральной мировой цивилизации и переходом от четвертого поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к пятому поколению при лидерстве Востока»¹. Но поскольку ни Запад, ни Восток о таком кризисе не слышали, тем более надо было бы пояснить, что же такое цивилизация. В огромном массиве литературы на эту тему я не нашел нигде четкого определения цивилизации как понятия². Напоминаю, любое исследование, лишенное понятийного аппарата, не является научным. В лучшем случае это описание некоторых поверхност-

1 Яковец, Растворцов. Доклад. Большая Евразия, 24.

2 Определения нет даже в сборнике, изданном в США, специально посвященном теме цивилизации и мирового порядка. — Civilizational dialogue and world order. The other politics of cultures, religions, and Civilizations in International relations. В этом сборнике часто под словом «цивилизация» понимается культура или религия, или как просто «более продвинутое общество» (advanced society).

ных явлений, которые тоже имеют смысл, но только в самой начальной стадии исследования.

Отцы-основатели Евразии, я думаю, не зря проигнорировали это важное требование. Они просто не в состоянии определить это понятие. Правда, отказавшись от марксизма, которого никогда и не знали, стали листать книги западных социологов, о чем свидетельствует даже терминология типа «самоиндефикация», «социокультура», не понимая, что «культуры» вне «социо» не существуют. Хотя некоторые идеи очевидно были заимствованы из книги С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», но авторам концепции больше полюбился американский социолог и теолог Питирим Сорокин, видимо, потому что он русского происхождения, и как бы опирался на русского, как бы сейчас сказали, культуролога Н.Я. Данилевского. Хотя Хантингтон тему — цивилизация — знал значительно лучше П. Сорокина, но его понимание не подходило для евразийцев по своим выводам. Евразийцы пишут об интеграции цивилизаций, а американец Хантингтон, наоборот, о столкновении цивилизаций.

Хотя термином «цивилизация» пользовались все крупные философы, историки и социологи, ни один из них не дал точного определения этому термину. При этом надо иметь в виду, что сами определения зависели от исторической эпохи. Так, для древних цивилизованных греков все не-греки были варварами, включая даже персов. Для мыслителей Просвещения (в основном французов) идея цивилизации была связана с идеей прогресса, а именно с триумфом рациональности над религией. К XIX в. и особенно в XX в. начали вырабатываться критерии, определяемые прежде всего мировоззренческими позициями, а также приверженностью к той или иной философской школе. У большинства из них оно совпадало с термином «культура». Так, у нелюбимого евразийцами Хантингтона определение звучит так: «Цивилизация — наивысшая культурная общность людей (в другом месте — культурная целостность

— А.Б.) и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов»¹. Почти как у Питирима Сорокина. Но у Хантингтона есть важное добавление: к элементам цивилизации относятся, помимо истории, религии, обычаям, социальных институтов еще и «самоидентификация людей» (отождествление), — очередной англояз, внедрившийся в так называемую научную литературу русских. Короче, для этой группы ученых термины «цивилизация» и «культура» являются синонимами. Хотя это не так.

Дело в том, что ни Сорокин, ни Арнольд Тойнби, ни Хантингтон, ни все другие явно не изучали логику Гегеля и потому не поняли, как определяются понятия. У всех у них термин «цивилизация» выступает как субъект, а «культура» как предикат. Отсюда следует, что у них понятие *культура* по своему объему шире понятия *цивилизация*, в котором сама культура на самом деле является одним из элементов. Хотя это очевидно не так, поскольку в содержание определения цивилизации входит не только культура, но и ряд других элементов общественного бытия. Другими словами, для цивилизации надо найти такой предикат, который был бы шире субъекта. (Это правило диалектической логики.)

Непонимание этого требования порождает множество определений, нарушающих субординацию связи «субъект–предикат». Так, в предикат, помимо культуры одни изыскатели записывают религию, другие — народ, нацию, общество и даже расу. А такой подзабытый замечательный русский историк как Лев Мечников увязывал цивилизацию с географией и прогрессом, как и французские просветители². Советские марксисты определяли цивилизацию через категорию *формация*, некото-

1 Хантингтон. Столкновение цивилизаций, с. 51.

2 См.: Мечников. Цивилизации и великие исторические реки; Статьи.

рые даже через эпоху. Такой разнобой сохраняется до наших дней.

Вот для примера еще одно определение, данное в философском Энциклопедическом словаре, изданном после буржуазной контрреволюции 1991–93 гг. Там написано: «Цивилизация — одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное общество стран и народов, своеобразие которого обусловлено социокультурными причинами»¹. При этом, правда, добавлено, что слово «Ц» (цивилизация) иногда употребляется также как синоним слова культура.

Каждому разумному человеку должно быть понятно, что в основу такой словесной тарабарщины можно подставить любое общественное явление, даже такое, как термин «племя». На основе этого определения я могу обозначить, например, в качестве цивилизации культуру племен, обитающих в бассейне Амазонки. И поскольку все нынешние определения цивилизации многозначны и неясны, то невозможно принимать этот термин в качестве критерия выделения неких групп стран, образующих некую целостность, обозначенную как Евразия. Из-за такой каши в головах некоторые авторы умудряются объединять «цивилизации и страны» (видимо, с подачи Хантингтона), не замечая, что цивилизации у них остаются без стран, а страны без цивилизаций. И такое почти на каждом шагу².

1 Философия: Энциклопедический словарь, 972.

2 Между прочим, в России есть Этническое движение «Родная земля», миссией которого является «изменение сознания для перехода в альтернативную цивилизацию». Полагаю, евразийцам есть смысл поразмышлять на тему такой цивилизации. Не исключаю, что именно такая цивилизация и соответствует народам Евразии.

Хочу подчеркнуть: пока термин «цивилизация» не будет отделен от термина «культура» и не будет найден ему предикат, следует считать, что определения нет. А есть простое словоблудие. Это так же, как и с терминами «мощь» и «сила» в теории мировых отношений. Если их отождествляют как синонимы, значит, использующий эти термины ничего не понимает в мировых и международных отношениях. Научному определению понятия *цивилизация* может дать знаменитая логическая триада Гегеля: единичное, особенное и всеобщее. И для информации: слово «цивилизация» происходит от латинского слова *civilis*, означающее «гражданин». Такое значение предполагает, что цивилизация может возникнуть только в процессе возникновения государств, правительств и власти. Поэтому приведенный мной пример с «цивилизацией» племен однозначно неверный. Плюс внутри сущности понятия *цивилизация* существует элемент развитости, созидательности в направлении прогресса. Следовательно, обозначение империи монголов в XIII–XV вв. как «монгольская цивилизация» в корне неверно, поскольку эта «цивилизация» уничтожала другие народы, в том числе, между прочим, и русский. То же самое делали и гунны, которые терроризировали и убивали население многих стран от Китая до Рима¹.

1 Скончавшийся в этом году лауреат Нобелевской премии по литературе Виджадар Сураджпрасад Найпол, по происхождению индиец, как-то решил навестить родину своих предков — Индию. Журнал Экономист в своем некрологе о нем пишет: «Его поразили трущобы, испражнения на улицах (вынуждая его выбирать приемлемую дорогу среди окурков и человеческих экскрементов), а также неспособность индийской цивилизации защитить себя» // Economist. 2018. August 18. В этой связи возникает и более общий вопрос: можно ли называть цивилизациями те народы, или государства, культура которых находится на уровне раннего Средневековья? Которые не научились пользоваться туалетами, а их жилища представляют собой развалины и трущобы на подобие фавел в Бразилии?

Неподходящим было бы и обозначение христианской или мусульманской культур в качестве определения цивилизации хотя бы уже потому, что эти так называемые цивилизации уничтожили в религиозных войнах больше людей, чем было уничтожено в геостратегических войнах. Авторы Евразии сами признают, что мусульманская цивилизация сейчас переживает кризис, поскольку, дескать, в ней преобладает «идеонациональный сверхчувственный социокультурный строй». Этот наукоблуд, списанный у Питирима Сорокина, конечно, можно признать новым словом в социологии, распространив его на обозначение других «строев» менее «чувствительных». Но это уже другая тема.

Здесь главное: несмотря на такой кризис, авторы проявляют исторический оптимизм, уверяя, что следует ожидать будто бы «в ближайшее десятилетие верх возьмет тенденция становления интегрального социокультурного строя»¹. А выше было сказано: «Можно ожидать, что во второй четверти XXI века в авангардных цивилизациях и странах будут заложены основы интегральной мировой цивилизации и к середине века она станет преобладающей на планете. Это будет способствовать переходу к новой модели мироустройства, основанной на диалоге и партнерстве цивилизаций» (25. Курс. мой. — А.Б.).

Такие строки, которые воспроизводятся во многих работах евразийцев, странно читать на фоне того, как, например, один из субъектов «авангардных цивилизаций» — Великобритания, устами своего министра обороны Гэвина Вильямсона призвала Россию «пойти прочь и заткнуться», а позже на семинаре в Атлантическом совете в Вашингтоне объяснил суть «нарождающейся угрозы» со стороны России так: «Думаю, опыт, который мир приобрел с 2015 года, совершенно ясно показывает, что речь идет об угрозе не только Великобритании, не только континен-

¹ Яковец, Растворцов. Там же, 40.

тальной Европе, но и многим странам» (Lenta.ru. 7 августа 2018)¹. И ведь так рассуждает не только этот министр.

Вынужден огорчить авторов и всех апостолов Евразии: *интегральная* тенденция существует только в головах еслибистов и евразийцев, но не в реальности. В реальности развитие мира будет происходить на основе законов капитализма с его противоречиями, столкновениями, торговыми войнами, которые решались, решаются и будут решаться на основе *силы*. И концепция Евразия с ее «цивилизациями» канет в лету точно так же, как и предыдущие концепции «АТР» помимо всего прочего и потому, что в тех и других концепциях совершенно превратно понимаются термины «цивилизация» и «интеграция».

1 Как в воду смотрел. Россия решила подтвердить слова англичанина, напав в феврале 2022 г. на Украину, которую российская пропаганда преподносит как «весь Запад».

ЗАПАДНЫЕ УЧЕНЫЕ О ТЕРМИНАХ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Я уже неоднократно отмечал, что западные историки, социологи и международники в отличие от российских периода перестройки и позже не особенно волновались синонимичностью терминов «цивилизация» и «культура», хотя иногда и пытались их развести. Но не в противовес формационному подходу, о котором большинство из них и не слышало, а, так сказать, в интересах научной чистоты, чтобы самим четче отличать явления. Причем многие из них за основу размежевания брали религию и пространство их распространения. Почти все тесно увязывали цивилизацию с культурой. И крайне редко, помимо культуры, другие факторы общественной жизни, например, институционное устройство государств. Чтобы убедиться в этом, я решил еще раз пролистать ряд прочитанных когда-то книг о культуре и цивилизации, чтобы подтвердить свое умозаключение. Тем более что в то время, когда я прочитывал эти книги, я не углублялся в понятийное содержание данных терминов. В моей библиотеке оказалось два десятка книг на эту тему, некоторые из которых я и намерен прокомментировать.

Начну с *Арнольда Тойнби*, одного из часто цитируемых авторов, который как бы считается чуть ли ни главным авторитетом в понимании этого понятия. Ему я посвятил довольно обширный параграф, опубликованный в одном из томов многотомника «Наука о Боге» под названием «Арнольд Тойнби — исто-

ризатор и теофил»¹. Он является одним из авторов, кто тесно увязывает культуру, цивилизацию с христианством. Ниже будут воспроизведены только те части, имеющие отношение непосредственно к теме цивилизации.

В словарях и энциклопедиях Арнольда Тойнби (1889–1975) обозначают как историка, социолога, философа и культуролога. Но всемирную известность он приобрел именно как историк, написавший множество исторических работ, включая и публикации о России. Наибольшую известность ему принес 12-ти томный труд «A Study of History». Как отмечает российский культуролог П.С. Гуревич, «Монументальное исследование А. Тойнби «Постижение истории» многие ученые признают шедевром исторической и макросоциологической науки»². Действительно, нельзя не поразиться обширностью знаний Тойнби в сфере истории, хотя я воздержался бы от оценок, так сказать, глубины ее «постижения»³. После прочтения ряда его исторических работ я мог бы повторить вывод французского историка Люсьена Февра, который писал: «То, что в «A Study of History» достойно похвалы, не представляет для нас ничего особенно нового. А то, что есть в нем нового, не представляет особенной ценности... Нам не преподнесли никакого нового ключа»⁴.

Но меня здесь Тойнби интересует не как историк, а как культуролог и социолог в контексте его отношения к христианству. Тем более что он, кажется, единственный ученый, который связал христианство, цивилизацию и прогресс в один узел.

1 Арин [Бэттер]. Наука о Боге. Том IV. Христианство и политика.

2 Гуревич. Культурология: Учебник, 58.

3 Довольно странно, но русские перевели «A Study of History» («Изучение истории») именно как «Постижение истории», что явно не отражает значения слова *study*.

4 Февр. Бои за историю, 95–6.

У него есть известная работа «Цивилизация перед судом истории», опубликованная в 1947 г., в которой присутствует параграф под названием «Христианство и цивилизация». Он был сделан на основе лекции, прочитанной в 1940 г. Эта лекция и была вкнижена в упомянутую работу¹. Я сознательно указываю время публикаций, значение которой будет ясно из следующего текста.

Пока я оставляю в стороне его определение цивилизации. Во времена написания этого своего труда Тойнби, видимо, был настолько религиозным человеком, что в христианстве видел только светлые идеи, благодаря которым человечество по-настоящему вступило на путь своего возвышения и прогресса.

Прежде всего он снимает ответственность с христианства за гибель древней греко-римской цивилизации, которую, кстати сказать, никто этому христианству и не вменял. Наоборот, многие историки как раз доказывали, что именно христианство стало важнейшим религиозно-идеологическим фактором не только сохранения Римской империи до конца V в. н.э., а и Византии аж до XV в. Более того, Тойнби даже приижает роль христианства, когда пишет:

Цивилизация есть некая особь, стремящаяся к воспроизведству, а христианство сыграло полезную, но второстепенную роль, дав жизнь двум новым секулярным цивилизациям после смерти их предшественницы (138. Курс. мой. — А.Б.).

Правда, в начале Средневековья, утверждает историк, в лице Фридриха Второго появилась «новая светская цивилизация, поднимающаяся из руин ее греко-римской предшественницы» (там же). Возможно, что если цивилизацию определять как «некую особь», то империю Фридриха Великого можно и

1 Тойнби. Цивилизация перед судом истории // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории.

назвать цивилизацией. Но вообще-то «цивилизация» фридриховского типа появилась именно с распадом Римской империи к концу V в., которая стала меняться на другой тип «цивилизации», которая называлась феодализмом. Понятно, что Тойнби категорией *формация* не оперировал, а предпочитал термин «цивилизация», который у него становится главным определителем всего.

Далее начинается оригинальный вклад в понимание истории. Вот один из его ключевых постулатов: «Надломы и распады цивилизаций могут оказаться ступеньками к *высшему развитию в религиозной сфере*» (139. Курс. мой. — А.Б.). «Высшее развитие в религиозной сфере» — это что-то новое. Подвязанное к не менее странному закону, который, оказывается, открыл еще Эсхил. Вот он:

В конце концов, один из фундаментальнейших духовных законов, которые мы знаем, выражен Эсхилом в словах «познание приходит через страдание», а в Новом Завете — словами «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (там же).

И далее не менее чудно. Не могу избежать соблазна, чтобы не привести цитату полностью:

Если применить эти слова к развитию высших религий, достигшему кульминации с расцветом христианства, то можно сказать, что мифические страсти Таммуза и Адониса или Аттиса и Озириса явились предвестниками Страстей Христовых и что Страсты Господни суть кульминация и венец страданий человеческой души в цепи последовательных неудач в ходе развития светской цивилизации. Сама христианская церковь родилась из духовных мук, явившихся последствием краха греко-римской цивилизации (там же).

Почему-то Тойнби не упомянул страсти Кришны, откуда тянулись страсти бедного Христа. В общем, страсти, страдания, муки, наказание — ведут к познанию, а отсюда к пику — «высшему развитию в религиозной сфере» и, наконец, к периоду

Фридриха Второго, когда образовалась-де «новая светская цивилизация». Вряд ли Эсхил предполагал, что его фразу истолкуют таким образом. Он — автор «Прометея», вложивший в уста своего героя такие слова: «Сказать по правде, всех богов я ненавижу». Но Тойнби пришло в голову другое, что еще раз подтверждает необычность его мышления.

Оригинальность подхода Тойнби выражается и в том, что в связке «цивилизация–религия» он отдает предпочтение именно религии. Более того:

исторической функцией цивилизации, напротив, является служить, разрушаясь, ступеньками для поступательного процесса все более религиозного прозрения, тогда общества того типа, который мы называем цивилизацией, должны завершить выполнение своей функции, дав жизнь зрелой высшей религии; и в этом случае наша собственная западная постхристианская секулярная цивилизация была бы в лучшем случае излишней, а в худшем — *нагубным отступничеством с путем духовного прогресса* (140. Курс. мой. — А.Б.).

Это пишет человек не в XV–XVI в., а XX в., историк, который как будто бы не знает, сколько горя и страданий этот «духовный прогресс», распространяемый христианством, принес человечеству. Сколько миллионов людей он уничтожил, не говоря уже о выброшенном на ветер человеческом труде за почти два тысячелетия существования христианства. Невозможно поверить, что ТАК пишет человек, который воспринимается многими как гуманист.

И вот что для него является прогрессом. Пренебрежительно отзывавшись о «напрасных повторениях» язычества, то есть греков и римлян, Тойнби восхитился следующим:

На самом деле величайшим новым явлением следует считать не монотонное возвышение в течение нескольких последних веков еще одной светской цивилизации из лона христианской церкви, а по-прежнему — распятие Христа и духовные последствия этого (141).

Под возвышением «одной светской цивилизации» он подразумевает развитие капитализма. — Это не прогресс. А распятие Христа, которое неизвестно было ли вообще, — это прогресс! И духовные последствия, когда уничтожалась наука и ученые, — это тоже прогресс. Таким словам даже Лютер позавидовал бы.

Продолжая размышлять на тему иерархии цивилизации и религии, о инструментах и целях последней, Тойнби с оптимизмом отмечает, что «если погибнет секулярная западная цивилизация, можно ожидать, что христианство не только устоит, но и прирастет мудростью и достоинством в результате свежего опыта мирской катастрофы» (141–2).

Исходя из его теории о подчиненности цивилизации религии, у Тойнби получилось, что Вторая мировая война как «свежий опыт мирской катастрофы», была очень полезна для будущей мудрости, которую должно истортить христианство. Ради этого не жалко даже около 100 млн человеческих жизней, уничтоженных за годы Второй мировой войны. Торквемада отдыхает!

Так что же он понимает под термином «цивилизация»? В специальном разделе «Столкновение цивилизаций» определяет так:

Под цивилизацией я понимаю *наименьший блок исторического материала*, к которому обращается тот, кто пытается изучить историю собственной страны, скажем Соединенных Штатов или Соединенного Королевства (133–4. Курс. мой. — А.Б.).

Этот философствующий лепет просто за пределами любой логики. Очевидно, что всемирно известный историк даже не читал работ Гегеля, чтобы научиться давать определения терминам, выводить их на понятийный уровень. А этот термин необходимо было непременно определить, поскольку все книги по «Изучению истории» просто пестрят словом «цивилизация» без четкого определения, что же это такое. Хотя автор

Вступление к сборнику работ Тойнби В.И. Уколова сделала такое обобщение: «Цивилизация — замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религия и форма ее организации; территориальный признак, степень удаленности от того места, где данное общество первоначально возникло»¹.

Не составило бы никакого труда показать, что эти критерии не соответствуют выделенным Тойнби так называемым цивилизациям, в один ряд которых попадает юкотанская цивилизация и, например, камбоджийская, не говоря уже о путанице с индийской и арабской цивилизациями. Цивилизация как «наименьший блок» легко сопрячь хоть с блоком «общество», «культура» и т.д. У него субъект — *цивилизация* объемнее предиката — *религия*, что вытекает из его логики в иерархии взаимоотношений между цивилизациями и религией. Конечно, дать определение цивилизации очень непросто. Достаточно напомнить, что научного определения этому термину не дал ни один социолог, включая П. Сорокина, тоже считающегося большим специалистом по цивилизациям, у которого термин «цивилизация» фактически совпадает с термином «культура». Та же самая проблема с определениями цивилизации у С. Хантингтона. Все названные и другие авторы, ставящие термин «цивилизация» в основу своих изысканий, не понимают связки субъекта и предиката при определении терминов, которые они хотят превратить в понятия. Они даже и не осознают такую необходимость, вследствие чего все их рассуждения лишены научности, что становится очевидным и на других явлениях, о которых они рассуждают. Арнольд Тойнби — один из таких классических примеров.

Как стандартный буржуазный историк Тойнби, естественно, не признает марксистскую методологию исследова-

1 См.: Тойнби. Постижение истории, 12.

ний, рассматривая историю через термин «цивилизация», а не категорию *формация*, которая имеет четкое понятийное определение. Отсюда у него и такая детская фраза о том, что студентов он учит рассматривать «историю в понятиях цивилизации, а не в понятиях государства, а государство считать неким подчиненным и эфемерным политическим феноменом в жизни цивилизаций, в лоне которых они появляются и исчезают»¹. Историк даже не догадывается, что эфемерным как раз является у него именно цивилизация, которая даже не имеет определения. Поэтому у него менялось даже количество цивилизаций: поначалу он их насчитал 21, затем нашел еще две — стало 23, затем откопал еще три — стало 26, «но к концу своего многотомного труда теряет 8, и как бы не замечает этого»².

Ничего удивительного. Такое понимание — это суть мышления Тойнби, поскольку для него реальны и такие несуществующие в бытии явления как Бог, или Царство божие. Так работает исторический идеализм, когда идея, какой бы фантастической она ни была, первенствует над «прозаичной» материей.

Арнольд Тойнби — редкий случай ученого, обладающего громадным объемом знания, но не способного сделать обобщения даже на уровне особенного, не говоря уже об уровне всеобщего. Он не смог дать ни одного научного определения таким ключевым понятиям как *цивилизация, прогресс, культура, общество*, а это — термины, на основе которых он выстраивал свои исторические теории.

* * *

Несмотря на отсутствие научной точности в рассуждениях Тойнби и других приверженцев теории «локальных цивили-

1 Тойнби. Цивилизация перед судом истории, 134.

2 См.: Гуревич. Культурология, 55.

заций», в ней, хотя и в невнятной форме, присутствует общая идея о том, что существуют отдельные цивилизации, большие исторические общности, которые занимают определенную территорию и имеют свои особенности социально-экономического, политического и культурного развития.

Локальные цивилизации — это своего рода элементы, составляющие общий поток истории. Они могут совпадать с границами государства (китайская цивилизация), а могут включать в себя несколько государств (западноевропейская цивилизация). Локальные цивилизации представляют собой сложные системы, в которых взаимодействуют друг с другом разные компоненты: географическая среда, экономика, политическое устройство, законодательство, религия, философия, литература, искусство, быт людей и т.д. Каждый из этих компонентов несет на себе печать своеобразия той или иной локальной цивилизации. Это своеобразие весьма устойчиво. Конечно, с течением времени цивилизации меняются, испытывают внешние воздействия, но остается некая основа, ядро, благодаря которому одна цивилизация все равно отличается от другой.

Проблема с этой идеей заключается в том, что она не дает возможности в качестве научного инструмента выделить или отделить тот или иной анклав в некую цивилизационную целостность, поскольку слово не выведено на уровень понятия, что означает, что у явления отсутствует именно ядро, его сущность, отличающая одно от другого. И подтверждают этот очевидный вывод работы современных западных авторов, которые оперируют этим словом.

Начну с книги популярного шотландско-американского историка *Найла Фергюсона*, одного из немногих ученых, который пытался дать понятийное определение термину «цивилизация»

в контексте отношений Запада с «Остальным миром»¹. Что эта тема не проста, он намекнул двумя эпиграфами, почерпнутыми из работ шотландца Джеймса Босвелла, популярного сочинителя дневников и словарей в XVIII в. и современника, английского историка Филипа Фернадеса-Арместо. Босвелл:

Он не допускал *цивилизации* [в четвертом издании своего словаря], а только *вежливость*. С большим уважением к нему я считал, что *цивилизация*, от «цивилизовать», лучше в том смысле, что она противостоит *варварству*, чем *цивилизованности*.

Фернандес-Арместо:

Все определения цивилизации... принадлежат к спряжению, которое гласит: «Я цивилизованный, вы принадлежите к культуре, он — варвар».

Эти эпиграфы были приведены не случайно. Они говорят о том, что термин содержал чисто поведенческий этикет (утонченность мышления, манеры или вкус), причем в положительном смысле, в противовес плохому варварскому, грубому поведению, — смысл, который распространен до наших времен. «Веди себя цивилизованно, а не как варвар из помойке», — фраза, которую я слышал неоднократно, в том числе и в свой адрес.

Фергюсон попытался вывести этот термин за пределы чисто поведенческого явления, придав ему понятийный смысл. Он напомнил, что этимологически слово «цивилизация» происходит от латинского слова город (*civitas* или *city*) и горожанин (*citizen*), явно даже не догадываясь, что именно Ф. Энгельс обозначил третий этап развития человечества именно с созданием городов, которому предшествовала эпоха дикости, затем, варварства и только затем цивилизации.

1 Ferguson. Civilization. The West and the Rest.

И вот к каким умозаключениям приводит его попытка понятизировать термин «цивилизация». Он пишет: «Ясно, однако, что один город не создает цивилизацию. Цивилизация — это самая крупная *единица* человеческой организации, более *высокая*, хотя и *более аморфная*, чем даже империя» (57. Курс. мой. — А.Б.). Допустим. Но в каких измерениях подсчитывать эту «единицу»? Фергюсон приводит такие компоненты этой единицы: «Цивилизации отчасти являются практическим ответом человеческих популяций на окружающую среду — проблемы питания, водопоя, укрытия и самозащиты, — но они также носят культурный характер; часто, хотя и не всегда, религиозны; часто, хотя и не всегда, языковые общности» (58). То есть в эту «единицу» входят все факторы или элементы жития человека или человеческого сообщества, проживающего в городах. И как отличить одну цивилизацию от другой, если все они обладают теми факторами, которые упомянуты в утверждении историка. Он сам, как и многие другие, приводит различное количество «цивилизаций». Одни исследователи насчитывают «две дюжины за последние десять тысячелетий». Другие «видели всего пять: Запад, Индию, Китай, Византию и ислам». Здесь почему-то религия ставится на одну доску с государствами и даже с частью света. Третья, кто двенадцать, кто шесть, кто двадцать шесть и т.д. То есть понимание этого термина настолько аморфно, что дает возможность втискивать в него какое угодно количество «цивилизаций» в зависимости от личных предпочтений и симпатий историка. Как говорил один монах-философ Дунс Скот, «из ложного утверждения вытекает какое угодно утверждение». Фергюсон подтверждает это утверждение, пишет: «Взаимодействие этих нескольких цивилизаций друг с другом, а также с окружающей средой было одной из наиболее важных движущих сил исторических изменений» (ibid. Курс. мой. — А.Б.). Из истории что-то не было заметно, чтобы японская или китайская цивилизация взаимодействовала с исламской, а взаимодействие последней с западной ча-

стью вело человечество не вперед, а назад. Не говоря уже о взаимодействии западной цивилизации с цивилизацией майя или инков, или цивилизацией индейцев в Северной Америке. Видимо, в данном случае одна «цивилизация» взаимодействие понимала как уничтожение. Кстати сказать, и большинство «цивилизаций» в Фергюсонском понимании яростно уничтожали друг друга, о чем красноречиво писало немало авторов на примере исчезновения средиземноморских цивилизаций и «цивилизаций» в Латинской Америке, Африке и в ЮВА. А такие известные историки как Эдвард Гиббон¹ или Брайан Уорд-Перкинс подробно описали падение Римской империи под ударами варварских цивилизаций². Кстати, в этой связи он мог бы привести пример «взаимодействия» татаро-монгольской цивилизации с русской, в результате которой великая русская цивилизация попала под иго еще более великой монгольской цивилизации.

И что удивительно, сам Фергюсон детально описывает превосходство Западной цивилизации, которая взяла под контроль чуть ли ни весь мир. С гордостью указывает: «К 1913 году одиннадцать западных империй контролировали почти три пятых всей территории и населения и более трех четвертей (ошеломляющие 79 процентов) мирового экономического производства» (62). И это действительно было так. Другой вопрос, какую цивилизацию принес этот Запад покоренным народам? И нужна ли была этим народам и странам эта западная цивилизация? На эти вопросы «цивилизационный подход» никак не отвечает, как и не отвечает на вопросы о причинах превосходства стран Запада над остальным миром.

В реальности они коренятся в явлениях, которые не отражают бессодержательный ключевой термин «цивилизация»,

1 Gibbon. *Decline and Fall of the Roman Empire*.

2 Ward-Perkins. *The Fall of Rome and the End of Civilization*.

а относятся к понятиям из других исследовательских подходов, которые укорены в социологии, политологии и марксистской политэкономии. Хотя следует признать, что эта часть анализа в книге представляет определенный интерес, но она не относится, повторюсь, к теме «Цивилизация».

В этом вопросе и Фергюсон, как практически все «цивилизационисты», не преуспел в определении термина «цивилизация», что, как мне показалось, не очень-то его и волновало. Поскольку задача в аналогичных исследованиях заключается в другом: показать или доказать некую политico-идеологическую идею, а нередко концепцию (как в случае с Фергюсоном), которая обосновывается на базе устоявшихся терминов в социологии, истории, международных и мировых отношениях. Кстати сказать, девяносто процентов текста автора как раз и состоит в доказательстве превосходства Запада над всем «остальным миром», что подкреплялось не только цифрами, но и такими привычными терминами из сферы социологии и политологии как «институциональная структура государств, развитость науки, медицины, трудовой этики, естественно, право собственности и, конечно, конкуренция». Плюс множеством других факторов, которые обеспечили превосходство Запада над остальным миром. Но, видимо, в силу то ли моды, то ли по каким-то другим конъюнктурным причинам, все это было подвязано под термин «цивилизация», который, кстати, у него хотя бы не является синонимом культуры. Он у него все-окхватывающий.

А вот другая книга, автор которой, в отличие от Фергюсона, явно не замечал никаких проблем в синонимичности слов цивилизация и культура. Она написана американским востоковедом *Теодором Де Бэри*¹. В Предисловии он пишет:

1 *De Bary. East Asian civilizations. A dialogue in five stages.*

Первые четыре главы посвящены цивилизациям Восточной Азии, прошедших четыре стадии своего развития: (1) стадия формирования (примерно одиннадцатый век до н.э. по второй век н.э.), когда классический Китай разработал основные идеи и институты, которые позже стали частью классического наследия других восточно-азиатских народов; (2) буддийская эпоха (третий век по десятый век), в которой господствующей и всепроникающей культурной силой в Восточной Азии был махаяновский буддизм, с традициями коренных народов, сохранившихся с истоков их образования; (3) неоконфуцианская эпоха (с одиннадцатого по девятнадцатый века), в которой неоконфуцианство занимало ведущую роль в новых социальных и культурных условиях, в то время как буддизм боролся за выживание в условиях новых усложненных явлений; и (4) современный период, в котором волна расширения Западной цивилизации разбилась о берега Восточной Азии и омывала те же древние скалы (viii).

На протяжении всей книги Де Бэри раскрывает содержание всех этих этапов, или эпох развития цивилизаций, не озабочаясь уточнением этого термина, а фактически рассказав в историческом ключе трансформацию систем «идей и институтов», разработанных в древнем Китае (с XI в до н.э. до II в. н.э.), затем о процессе распространения и воздействия буддизма в его махаяновском варианте (III–X вв.), затем подробно описал «неоконфуцианскую эпоху» (II–XIX вв.) и «современный период (с XIX в. по настоящее время), когда столкнулись западная цивилизация и восточная.

Из текста книги очевидно, что автора не заботила чистота терминов «цивилизация» и «культура», поэтому он фактически излагал свое представление о спецификах общественно-экономической и исторической ситуации в странах Восточной Азии на протяжении 2 000 лет.

В этой связи есть смысл подчеркнуть, что термин «цивилизация» не представляет из себя подход или метод анализа. Для многих историков он нужен просто для фиксации

некоторого этапа развития человечества по тем или иным, часто произвольным признакам. Например, некоторые ученые классифицируют культуры на основе политических систем и социальной несправедливости. В качестве примера привожу классификацию «обществ», а не цивилизаций из четырех категорий, зафиксированных в ряде книг историков.

- 1) Группы охотников-собирателей, которые, как правило, являются эгалитарными.
- 2) Садоводческо-скотоводческие общества, в которых, как правило, существуют два унаследованных социальных класса: вождь и простолюдин.
- 3) Сильно стратифицированные структуры, или вождизм, с несколькими унаследованными социальными классами: король, дворянин, свободные люди, крепостные и рабы.
- 4) Цивилизации со сложными социальными иерархиями и организованными, институциональными формами правления¹.

В данной иерархии термин «цивилизация» используется просто как один из этапов развития человеческого общества, а не как познавательный инструмент в исследовании. И в таком качестве он использовалось многими философами, экономистами, историками. Например, одно время была популярна теория «стадиального развития цивилизации», которую разрабатывали К. Ясперс, О. Тофлер, У. Ростоу и многие другие. В частности, Ростоу делил цивилизации на 5 стадий по принципу уровня экономического развития и потребления. В понятийные дебри термина «цивилизация» они не вдавались, а просто использовали его как маркировку для выделения той или иной

1 Bogucki. The Origins of Human Society; Lee, DeVore, eds. *Man the Hunter: The First Intensive Survey of a Single, Crucial Stage of Human Development – Man's Once Universal Hunting Way of Life*; Beck, Linda, Larry, Phillip, Dahia Ibo Shabaka. *World History: Patterns of Interaction*.

стадии на основе выбранного ими критерия: у Ростоу — экономики, Тофлера — научно-технического развития, Ясперс, в его понимании, — исторического времени.

Но некоторые авторы все-таки пытались обосновать выбранный ими «цивилизованный подход» именно как инструмент познания. Ниже даю примеры таких попыток.

К ним относится сборник статей в книге под общим названием «Цивилизационный диалог и мировой порядок»¹. Один из редакторов книги, **Фабио Петито** (Fabio Petito), в своей главе «Dialogue of Civilizations as an Alternative Model for World Order» пытается доказать, что «цивилизационный подход», построенный на диалоге между цивилизациями, которые он определяет через религию, лучше подходит для объяснения мира, чем нынешние модели мирового порядка. При этом не дав определения ни термину «цивилизация», ни нынешнему мировому порядку, который, правда, дискутируется в рамках «цивилизационного подхода».

Армандо Сальватор (Armando Salvatore), автор главы «From Tension to Dialogue? The Mediterranean between European Civilization and the Muslim World», не заметил, что «европейскую цивилизацию» он сравнивает с «мусульманским миром», видимо, не удостоив его титулом «цивилизация». Фактически для всех авторов этого сборника термин «цивилизация» не несет некого сакрального содержания, который они спокойно заменяют на термин «культура», при этом главное внимание уделяя, в противоположность Хантингтону, диалогу, согласию и миру между мусульманами и христианами, который-де воз-

1 *Civilizational dialogue and World order. The other politics of cultures, Religions, and Civilizations in International Relations.*

можен даже на почве религии. Как и подлинные гуманисты реальность они не замечают, — ту, в которой приверженцы этих двух религий добиваются мира на полях сражения до полного истребления своих противников. Но это уже другая тема.

А вот сборник докладов одной из конференций в Стамбуле, в которой приняли участие и западные ученые, причем довольно известные в своих областях знания. Эта любопытная книга разбавлена теоретическими рассуждениями о цивилизации без определения этого термина. Даже само название — «Цивилизации и мировой порядок геополитик и культурное различие»¹ — говорит о серьезности их намерений. О ней чуть подробнее.

Не дав понятийного определения термину «цивилизация», в Предисловии подробно разъяснен смысл множественного и единственного числа ключевых слов докладов. Написано:

Использование терминов «цивилизация» и «глобализация» в единственном или множественном числе обнаруживает не только лингвистическое предпочтение, но и позицию в понимании «порядок» — как концептуально, так и исторически. Когда используется форма множественного числа, понятие «цивилизация» зарезервировано для исторических отсылок, в то время как его вариант единственного числа используется по отношению к настоящему и будущему. Такое выделение основывается на некоторых основных предпосылках: (i) на протяжении всей истории различные цивилизации возникли и сохранились со своими географическими и историческими различиями; (ii) ускорение радикальных перемен современной эпохи научно-техническими инструментами создали новый исторический поток, направленный на формирование монолитной глобальной культуры; (iii) этот исторический поток будет возглавляться «активной/подвластной/господствующей цивилизацией», которая способна управлять этими инструментами и

1 *Civilizations and World Order Geopolitics and Cultural Difference.*

воссоздавать их; (iv) «пассивные/объектные/доминируемые цивилизации» исчезают по ходу этого процесса; (v) и фактически будет только одна «цивилизация» в будущем, которое ознаменует конец истории (vii).

Идея этой длинной цитаты о числе цивилизаций заключается в том, что единственное число — это как бы абстрактное понимание цивилизации, а множественное — текущее, конкретное, которое постоянно меняется. Правда, весь этот процесс изменений можно назвать любым словом из лексикона исторической науки или социологии: будь то культура, цивилизация, сообщества, нации, государства и т.д. О чем говорит и следующее разъяснение:

С другой стороны, использование понятия цивилизации во множественном числе («цивилизации») относиться не только к историческим явлениям, но и к современности И будущее существование также опирается на ряд определённых предположений: (i) историческое существование различных цивилизаций является не только результатом внешних факторов, но также и отражением человеческой природы и воли; (ii) следовательно, существование различных цивилизаций было и будет богатством человеческой культуры; (iii) взаимоотношения между цивилизациями характеризовались скорее взаимодействием, чем абсолютной иерархией и уничтожением; (iv) человеческая природа не может быть ограничена, монополизирована, подчинена; или управляема монолитной конструкцией вне зависимости от ее инструментальных средств верховенства; (v) категории «активная/подвластная» цивилизация и «пассивная/объектная» цивилизации отражают текущесть гипотетических явлений а не содержательный и всеобъемлющий исторический процесс; (vi) и там могут быть колебания и трансформации в межцивилизационных отношениях, но и сейчас, и в будущем всегда есть и будут разные цивилизации (vii).

Я привожу такие длинные цитаты для того, чтобы показать, насколько тривиальные суждения, которые уже давно изучаются в социологии и исторической науке, подаются как некие от-

крытия, причем в контексте термина «цивилизация» без объяснения, что это такое.

Например, один из авторов этого сборника, ученый из Принстонского университета *Ричард Фалк* (Richard Falk) пишет:

До этого момента глобальный цивилизационный опыт в современную эпоху был и продолжает формироваться в первую очередь европоцентризмом (или, возможно, более точно, хотя и более неуклюже, западноцентризмом), то есть по ценностям, идеям, гегемонистским представлениям и организационным категориям, которые прямо или косвенно исходят от Запада (3).

Само по себе суждение верно, но причем здесь «цивилизационный опыт». А почему бы не сказать — исторический опыт? Тем более что «гегемонистские представления» вряд ли можно отнести к явлению цивилизации, если, конечно, не понимать этот термин как вбирающий в себя весь окружающим мир, так сказать, со своими плюсами и минусами. Понятно, что Фалк о таких вещах не задумывался, поскольку он описывал отношения Запада с Турцией и место Турции в мире. То есть он представил типичный разбор темы в контексте стандартных исследований в рамках международных отношений.

В аналогичном ключе построен и доклад крупного австрийского международника *Ганса Кёхлера* (Hans Köchler), который называется «Civilization as Instrument of World Order? The Role of the Civilizational Paradigm in the Absence of a Balance of Power». Это типичный рассказ о мировом порядке в духе школы политического реализма, точнее неореализма, на базе ключевого для этой школы понятия — баланс сил. Темы, затрагиваемые автором, безусловно, интересны и актуальны (тема религии, морали, гегемонии, западных ценностей и т.д.) в современных международных отношениях. Но они не имеют отношения к

понятию *цивилизация*, которое, между прочим, сам автор берет в кавычки.

По тому же принципу построены доклады и других исследователей, в частности американских ученых: политолога **Раймонда Дювала** (Raymond Duvall) из Университета Миннесоты и довольно известного экономиста Роберта Дж. Гилпина (Robert G. Gilpin) из Принстонского университета. Кстати, любопытно, что последний в своем докладе «Globalization, Civilizations, and World Order», дав определение термину «глобализация», — тема, в которой он крупнейший специалист, — обошелся без определения термина «цивилизация», даже не вспомнив о ней в докладе.

Ну и напоследок любопытная статья австралийского профессора социологии **Степфана Меннела** (Stephen Mennell) под названием «Децивилизационные процессы: теоретическая значимость и некоторые направления исследований»¹. Примечательна его ремарка в самом начале статьи:

Децивилизационные процессы — это те, которые происходят, когда цивилизационные процессы идут вспять. Когда я использую термин «цивилизационный процесс» и, соответственно, «децивилизационный Процесс», я использую его в специфическом техническом смысле, разработанном Норбертом Элиасом. Я не использую термин «цивилизация» со всеми его популярными значениями или в самом общем смысле крупномасштабного сложного общества или области культуры, который использовали такие писатели, как Шпенглер и Тойнби (205).

1 Mennell. Decivilising Processes: Theoretical Significance and Some Lines of Research // International Sociology. June 1990.

Автор честно оговорил, что копаться в понятийном содержании этого термина он не собирается, а намерен использовать его как «процесс», куда он, исходя из содержания статьи, включил темы образования, насилия, культуры (уточняет «манерную сторону», т.е. поведенческую), преступности и т.д. — все из тем и проблем социологии, которые имеют отрицательное воздействие на нынешнюю «цивилизацию». Причем все это на фоне анализа идей Норберта Элиаса (Norbert Elias), крупного, как сказано в Википедии, еврейско-германского социолога, ставшего гражданином Британии. Статья, безусловно, интересна своей проблематикой западных обществ, о чем пишут социологи, а их немало, с критическим мышлением в адрес капитализма, предлагая решение некими реформами с использованием «репейника от кашля». Но это другая тема. Главное: и в этом критическом направлении термину «цивилизация» не повезло, никто не объяснил, что́ это такое.

Изучив огромный массив книг по социологии, я обнаружил, что ни в одной из них нет научных определений ни термину «культура», ни термину «цивилизация». Для подтверждения сказанного привожу «определения» шикарно изданного учебника по социологии. Вот что там написано о культуре:

Культура состоит из всех ценностей, которых придерживаются члены группы, языков, на которых они говорят, символов, которые они почитают, норм, которым они следуют, и материальных благ, которые они создают¹.

Обращаю внимание на то, что, во-первых, это не определение, а описание, во-вторых, в нем отсутствует ядро, которое позволило бы этот термин отделить от других проявлений общественной жизни, в том числе и от термина «цивилизация».

1 *Introduction to Sociology*, 54.

А вот как в нем определена цивилизация:

Около 6000 г. до н.э. мы находим свидетельства существования обществ, более крупных и отличных от тех, которые существовали до нас. Эти общества основывались на развитии городов, на неравенстве в сфере богатства и власти, и управлялись королями или императорами. Поскольку существовала письменность, и наука и искусство процветали, эти общества часто называют цивилизациями (73–4).

Так учат не школьников четвертого класса, а студентов высших учебных заведений. Приблизительно в таком же ключе сформулированы названные термины в других учебниках и словарях/энциклопедиях, по крайней мере, опубликованных в США.

* * *

Я уделил повышенное внимание западным авторам, чтобы показать, что хотя термин «цивилизация» у них используется довольно часто, но, во-первых, ни один из них, даже те, кто пытался это сделать, не смогли его вывести на понятийный уровень, во-вторых, тем более превратить его в методологический инструмент познания. Кроме того, используя его иногда как «подход», у них не стояла задача противопоставить его формационному подходу марксистов, и это даже среди тех, кто о нем знал. Атаки последних на марксизм шли не по линии «цивилизации», а главным образом по линии теории коммунизма и социализма в целом. Поэтому постоянные ссылки российских антисоветчиков-демонтажников формационного подхода на авторитеты западных ученых говорят только о том, что они просто не представляли реальную беспомощность вокруг определения термина «цивилизация» в западной среде. Это только подтверждает их невежество как ученых, а также

неспособность собственных попыток придать научность «цивилизационному подходу». Такое невежество характерно для большинства российских обществоведов антисоветского разлива.

МАРКСИСТСКАЯ ТРАКТОВКА ПОНЯТИЙ: КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Из всего сказанного выше вытекает, что термины «цивилизация» и «культура» не выведены на понятийный уровень, а используются как синонимы, в содержание которых включены все сферы человеческой деятельности. То есть ни в одном из них не выделен денотат, т.е. понятийное ядро значения, которое отличало бы одно от другого. Следовательно, они не могут служить операционными научными инструментами, не говоря уже о «научном подходе» для анализа общества (человеческого бытия) из-за отсутствия четкой определенности по содержанию, не позволяющему отнести их ни к родовому, ни к видовому ряду. Есть смысл подчеркнуть, что отсутствие четкого определения термина «цивилизация» является обратной стороной отсутствия определения термина «культура», — два термина, которые ученые пытались развести, чтобы избежать синонимичности. Выше я уже напоминал со ссылкой на одного из культурологов, что термин «культура» насчитывает более 400 определений. И даже в специально посвященном этой теме словаре, его определение настолько всеохватывающее, что им невозможно оперировать при анализе конкретного явления человеческого бытия. Вот оно:

Культура — это сложный повседневный мир, с которым мы все сталкиваемся и в котором мы существуем. Культура начинается с того момента, когда человечество начинает преодолевать природу, данную ему просто в силу объективных обстоятельств. Возделывание природного мира, в сельском хозяйстве и садоводстве, таким образом и является основополагающим элементом культуры.

Как таковые, двумя наиболее важными или общими элементами культуры могут быть способность человека строить и создавать, а также способность использовать язык (понимаемый в самом широком смысле, охватывающий все формы знаковой системы)¹.

Такое определение культуры не является определением, поскольку «сложный повседневный мир» к культуре имеет такое же отношение как к экономике, политике и вообще ко всему, что создано человеком. Повседневный мир — это просто объективная реальность, т.е. бытие. Здесь субъект подведен под такой предикат, который, по утверждению Гегеля, является самым общим понятием (категорией), под который можно подвести любое явление общественной жизни.

Поскольку сотни ученых пытались безуспешно дать определения разбираемым терминам, не означает ли, что они просто не имеют сущностных отличий как вещи-в-себе, а являются просто словами, и которые как бы не требуют научного понимания, поскольку как и все на бытовом уровне и так знают, что это такое. Как, например, слово «любовь». Определений нет, а все понимают, что это означает. Таких вариантов в понимании слов, без выведения их на понятийный уровень сколько угодно. Достаточно вспомнить термины «Азиатско-Тихоокеанский регион», «Евразия» и т.д. Это так называемые пустые понятия, которые довольно часто используются в софистике, рабулистике и ретории. Но в данном случае на основе этих терминов выстраивают целые теории, концепции и даже идеологии, активно используемые, по крайней мере, противниками социализма против марксистского учения. Поэтому все-таки есть смысл попробовать выяснить понятийную сущность этих терминов.

1 Key concepts in cultural theory, 69.

* * *

Для того, чтобы понятия были операбельны, необходимо определить их понятийное содержание как вещь-во-вне, а затем категориальное как вещь-в-себе. Далее нужно определить, в какую систему координат они должны быть помещены. Если в рамках системы буржуазного обществоведения, то их определения не имеют значения, они спокойно обходятся без всяких точностей. Для этой системы достаточно, например, простого терминологического обозначения как Древний мир, Средние (Темные) века, эпоха демократии или модерна. Размытость таких терминов дает простор творчеству для каждого ученого бойко описывать поверхность явлений, не копаясь в содержании, — и это демократично, «толерантно». Нужно, так сказать, не навязывать свои тоталитарные взгляды, которые характерны, как они убеждены, марксистскому подходу (для них не учению), а дать простор высказыванию любому «свободомыслящему».

Здесь же будет сделана попытка сформулировать определения названных терминов именно в системе марксистской науки, которая стремится к точным понятиям и категориям как наиболее эффективным инструментам познания истины. (Любопытно, что к этому марксистов подтолкнул именно буржуазный философ-идеалист Гегель.)

Прежде всего отмечу, что почти все ученые, за исключением единиц, вкладывают в термины «культура» и «цивилизация» некое положительное свойство, как бы противопоставляя их явлениям, которые воспринимаются отрицательно. Культура — хорошо, бескультурье — плохо. Цивилизованность — хорошо, варварство — плохо (Джеймс Босвелл, Филип Фер-

нандес-Арместо). Хотя такая предрасположенность вызвана просто интуицией: она никем не объясняется, но имеет научное обоснование. Дело в том, что все «хорошее» так или иначе связано с продлением человеческой жизни: удобная среда обитания, настроение человека, хорошее здоровье и прочие «хорошости» удлиняют среднюю продолжительность жизни (СПЖ) человека, а «плохие» явления укорачивают. Это легко подтвердить при сравнении, скажем, жизни раба и рабовладельца, помещика и крестьянина, капиталиста и пролетария, а также при сравнении целых государств, скажем, в Африке и в Западной Европе. Так что этот момент необходимо иметь в виду при формулировке определений разбираемых терминов.

Наконец, на интуитивном уровне все авторы чувствовали, что термин «цивилизация» по своему объему шире термина «культура», имея в виду, что культура может быть локальной, а цивилизация распространяется на более широкое пространство, а некоторые умудряются распространить ее на весь мир. Думаю, что сама идея верная. Весь вопрос: что распространяется?

Марксистская методология, построенная на историзме и диалектике, требует также учесть такой момент: *отличать понятие как инструмент мышления от сущности этого понятия в самом бытии*. То есть в мышлении схватывается наиболее существенная суть явления, которая сохраняется во все времена, в то время как в общественной реальности, явление, будучи значительно разнообразнее своих существенных свойств, может наполняться различным содержанием. Скажем, понятие *мир* используется со времен сознательного существования человека, но в каждый эпохальный период он наполнялся различным содержанием. Так же, как и понятие *человек*: одно дело человек первобытного общества, другое — человек современный. Это означает, что термины «культура» и «цивилизация» также должны меняться или развиваться.

Предварительно я воспроизведу свои определения — понятия и категории, — которые подробно были изложены в специальном параграфе первого тома Мирологии.

Категория определяет наиболее общие свойства бытийной реальности, например материи, времени и пространства.

Понятия — это моменты категорий, или форма мысли, отражающая ту или иную сторону категориального бытия.

В упрощенном виде категориями оперируют при анализе «вещи-в-себе», т.е. в реальности/бытии; понятиями — «вещи-в-вне», т.е. в понимании/сознании, или в познании сущности через ее проявления.

* * *

Итак, начну с термина «культура». Большинство авторов в качестве критерия для определения культуры брали религию. Отмечу два момента против этого критерия.

Первый. В истории существовали и существуют народы и государства, в которых не было религий как государственных институтов, а были или народные верования (в древние времена и даже среди современных племен) или они вообще отсутствовали в силу атеизма в период существования СССР, а ныне КНР. Даже в современных государствах Европы, в которых в свое время царствовала религия (христианство), она перестала играть ведущую роль в жизни этих обществ.

Второй момент. Если на заре возникновения человечества религия в форме народных верований и практики выживания объективно играла положительную роль, то после

ее институционализации в начальный период возникновения рабовладельческой формации она стала играть крайне отрицательную роль, что мне пришлось доказывать в многотомной работе «Наука о Боге»¹. Об этом же писали и многие другие философы и историки Запада и России. В моем словаре религия определяется следующим образом:

Религия — мировоззрение, в соответствии с которым Вселенная со всеми ее обитателями, включая человека, была создана и управляется богами. По мере возникновения классов и государств религия превратилась в одну из разновидностей институализированной идеологии любого эксплуататорского общества, призванная обосновать существование системы эксплуатации внешними силами, которые господствуют над людьми в их повседневной жизни и в которых земные силы принимают форму неземных. В социальном плане является «последним убежищем угнетенной твари». В историческом — религия есть один из способов обесчеловечивания человека. Борьба с религией означает борьбу за будущее человечества².

Если коротко, то религия есть надстроичное понятие, отражающее мировоззрение людей, объективно толкающее человечество назад в эпоху каменного века.

Иначе говоря, религию в качестве критерия нельзя брать не только в определение цивилизаций, но даже включать в понятие *культура*. Это самостоятельная структура, тянувшая любое общество назад.

Другие критерии: государственность, создание продуктов материального и духовного труда, образование и т.д. сопрягаются не только с культурой, но и другими структурами общества как, например, экономика, политика, идеология.

1 См.: Арин [Бэттлер]. Наука о Боге. Том I. Феноменология Библии.

2 Арин [Бэттлер]. Словарик религиозных и этических терминов от Арина // Атеизм: религии бой, 208.

Действительно сам термин «культура» первоначально означал возделывание земли. И в тот начальный период это было самое существенное деяние человека в своем воспроизводстве, и оно носило действительно прогрессивный характер, поскольку двинуло развитие человечества на исторический шаг вперед по сравнению с охотой и собирательством. Но по мере продвижения человечества вперед возникали другие явления, способствующие его развитию, среди них — образование государств, которое порождало возникновение параллельных структур его существования, оттеснив возделывание земли из разряда существенных в разряд один из многих, среди которых возникала культура поведения, культура красоты, за которыми и зацеплялось слово «культура», отделяясь от других структур человеческой деятельности (экономики, политики, идеологии и т.д.).

Поскольку мое исследование опирается на марксистскую методологию, есть смысл сказать о двух важных категориях марксистского обществоведения: *базис* и *надстройка*. Хотя им в рамках категории *формация* будет посвящен следующий параграф, я заранее хочу выделить различие в их содержании, которое заключается в том, что *базис является понятием, отражающим экономические отношения в обществе*, которые складываются из работников, средств производства и форм присвоения продуктов труда, а *надстройка, формируясь под воздействием базиса, выстраивает различные структурированные институты, которые отражаются в понятиях государство, семья, политика, идеология, культура, литература, искусство, идеология, наука, религия*. И если на начальной стадии возникновения человечества первичным был именно базис, т.е. формы экономических отношений между людьми, которые и формировали надстройку, то впоследствии, в ходе продвижения человечества вперед, причинно-следственные связи в процессе взаимодействия базиса и надстрой-

ки, в процессе их взаимопереплетения, перестали определяться фактором первичности базиса и вторичности надстройки. Последняя приобретала относительную автономию от базиса. И хотя экономический детерминизм не потерял своей силы, как считают многие критики марксизма, но сила воздействия его ослабла (но не исчезла совсем). Тем более что даже на начальном этапе эта первичность проявлялась не напрямую, а через множество факторов, которые не были очевидны. Кроме того, некоторые понятия, отражавшие те или иные явления общества надстроичного порядка, однажды сформировавшись, породили свои собственные закономерности, которые трудно сопрячь напрямую с базисом. Если же эти взаимоотношения предельно упростить, то можно сказать, что *базис — это как бы материальная объективная сторона формации, а надстройка — субъективная, духовная, воплощенная в творениях человека на земле: духовных и материальных.*

* * *

Ну а теперь конкретно о разбираемых здесь терминах. Начну с термина «культура». Мое определение таково:

Культура — это надстроечное понятие, отражающее такую форму человеческой деятельности, которая определяется этическими (нравственными, моральными) нормами и традициями, выраженными в поведении людей в обществе¹.

1 Между прочим, одним из важных факторов появления Ветхого Завета (Танаха) явилась необходимость упорядочивания поведения древних евреев, прописав им правила поведения не только в виде 10 Заповедей, но еще нескольких сотен указаний. И чтобы они следовали этим правилам и нормам, нужен был суровый надсмотрщик, которого авторы Ветхого завета изобразили в виде бога поначалу Элохима, затем Яхве.

Хочу обратить внимание читателя на логическую сторону такого определения¹. Во-первых, оно выступает как *всеобщее* в качестве закона некой целостности относительно совокупности явлений, *особенное* — ее внутреннее членение на формы и виды, и *единичное* — действительная реальность такой целостности, единством всеобщего и особенного.

Свою особенность культура проявляла как по исторической вертикали, так и по географической горизонтали. Различные культуры отличались и отличаются друг от друга вследствие базовых факторов, влияющих на их формирование, среди которых не только объективные природные факторы (климат и география), но и сложившиеся экономические (базисные) отношения, которые меняются на протяжении истории человечества. Если говорить о природных факторах, то очевидно, что культура людей, живущих в горах, или в суровых климатических условиях, будет отличаться от культуры людей, живущих в долинах или жарких климатах (афганцы, якуты, европейцы, африканцы). Если же говорить о базисных факторах, то эта очевидность сразу же бросается в глаза при сравнении поведения людей первобытнообщинного строя, рабовладельческого, феодального и т.д.

Но если география и история определяет базовые контуры культуры, то множество других факторов, не бросающихся в глаза, вносят нюансы в культуру наций и народов, хотя и проживающих в одних и тех же географических и климатических условиях. Достаточно сравнить культуру французов, англичан

Можно сказать, что этот Ветхий Завет был первым учебником по этике. В какой-то степени и в Новом Завете были предписания поведения людей, хотя основная цель Евангелия заключалась в другом — идеологическом обосновании борьбы евреев против Рима.

1 Диалектическая логика требует от определения понятий не только выделения существенного признака вещей и явлений, но и развертывания его в «троице» (Гегеля): всеобщее, особенное и единичное.

или немцев, чтобы убедиться в этом. Это означает, что культура как явление более чувствительна к воздействию, казалось бы, незаметных факторов в отличие от таких стабильных явлений, которые отражаются в понятиях *экономика и политика*.

Выше было сказано, что в понятии *культура* должен быть своего рода положительный момент, не только отражающий, но толкающий людей на путь прогресса.

Однако к «положительности» культуры надо относиться диалектически, потому что одно и то же явление культуры для одного периода может показаться признаком отсталости, а для другого периода, наоборот, признаком самосохранения и выживания. Например, в наше время человек, появившийся в шкуре дикаря, показался бы или ненормальным, или просто глупцом, в то время как в первобытном обществе это считалось бы нормой. Или, к примеру, культура потребления пищи в Средние века резко отличается от нынешних стандартов, хотя для своего времени они были нормой. Так же и в отношении народов, которые живут в разных географических и климатических условиях. Главное, чтобы в зависимости от исторического, географико-климатического факторов, культура соответствовала не только объективным условиям выживания, но как минимум не препятствовала продвижению вперед. Например, когда некие группы людей в современном мире, начинают ходить голыми или в «одежде» полудиких племен Африки и Латинской Америки, или когда мусульмане, заполонившие Германию при муттер Меркель, испражняются на улицах по традициям своих родных мест, из которых они убежали. Такая «культура» точно не способствует прогрессу, а однозначно тянет общества назад. Между прочим, по состоянию туалетов можно определить уровень культуры страны/нации. Общепризнано, что на данный момент самыми «цивилизованными» туалетами в мире считаются японские, и поэтому неслучайно по главному критерию прогресса — СПЖ

— Япония находится на первом месте в мире (если не считать крошечных Монако, Сингапура и Макао).

Надо всегда также учитывать негэнтропный характер культуры, поскольку она вырабатывалась именно в противостоянии природе, ее объективным законам, которые человек обходил своим трудом и знаниями, на первых порах даже не осознавая этого. В этой связи можно даже сформулировать своего рода закон: чем ближе человек к природе, тем он дальше от культуры, чем дальше от природы, тем он прогрессивнее. В свое время известный лозунг Жан-Жака Руссо — «назад к природе» — означал назад в эпоху варварства. Сказанное не означает противостояния природе, ее разрушения. Природа — это среда обитания человека, которую надо сохранять и пестовать. Но при этом главное — изучать ее законы, которые позволяют обойти ее же законы, среди которых одним из решающих для человека является закон возрастаания энтропии, или закон смерти. Избежать его нельзя, а обойти можно, что подтверждается увеличением средней продолжительности жизни человека от 18–20 лет в период дикости и варварства до почти 80 лет в наше время. Вот таков диалектический парадокс отношения человека с природой.

Цивилизация. Как уже было сказано выше, многие культурологи рассматривают этот термин как синоним термина «культура», хотя некоторые подчеркивают, что культура все-таки имеет дело с духовными явлениями, а цивилизация материальными. Правда, классики темы «цивилизация» (А. Тойнби, П. Сорокин, С. Хантингтон и др.) в ядро этого понятия (ее сущности) «духовность» закладывали в религии, которые, по их высказываниям, и разделяли мир по цивилизационному принципу. Но при конкретном рассмотрении оказывалось, что религия «не тянет» на роль ядра, и поэтому такая версия явно не работает в определении самого понятия. Между прочим, в

отличие от этих социологов, мыслители просвещения употребляли слово «цивилизация» именно как противовес религии, по их представлениям, тянувшим общества назад от прогресса.

Правда, в народной интернет-энциклопедии — Википедии — цивилизация определена без религии, но втиснуты все другие явления общества.

Цивилизация — это любое сложное общество, характеризующееся развитием государства, социальной стратификацией, урбанизацией и символическими системами коммуникации за пределами жестовых или устных языков (а именно, системами письменности и графики). Цивилизации часто характеризуются и дополнительными особенностями, включая сельское хозяйство, архитектуру, инфраструктуру, технологический прогресс, валюту, налогообложение, регулирование и специализацию труда¹.

При этом уточняется, что под этим термином подразумевается «более развития культура», и многие другие «более». В таком случае после возникновения городов, любое общество можно обозначать как цивилизацию, поскольку все они обладают названными атрибутами и задача заключается только в том, чтобы выяснить, кто «более развит», кто «менее». Правда, критерия для этого различия никто не дал. По своему качественному содержанию термин «цивилизация», как уже много раз было сказано выше, синонимичен термину «культура». Имея в виду, что каждая культура обладает спецификой, то этот фактор лишает цивилизацию свойства объединения и расширения, о чём толкуют цивилизационники. Ведь культура в силу своего своеобразия разделяет народы, а цивилизация должна объединять.

1 Определение, процитированное в рубрике Civilization в Wikipedia со ссылкой на ряд авторов, среди которых: *Cultural Anthropology: The Human Challenge*. Haviland, William; et al. Cengage Learning, 2013; *Fernández-Armesto, Felipe. Civilizations: Culture, Ambition, and the Transformation of Nature*. Simon and Shuster, 2001; *Boyden, Stephen Vickers. The Biology of Civilization*. UNSW Press, 2004.

Следовательно, доминирующим моментом в термине «цивилизация» должен быть некий элемент, привлекательный для многих, причем именно такой, который оказался бы в состоянии стянуть несколько культурных образований в некое единство на подобие интеграции. Даже в экономике вследствие экономических законов появился только один интеграционный комплекс — в Западной Европе, причем его надстроечная часть, несмотря на усилия политиков, остается неинтегрированной именно в силу различия культур.

Выше я предположил, что сам термин может оказаться пустышкой, не имеющей собственного содержания, т.е. как отсутствие самого явления в бытии, которое оно могло бы отразить. Как и во многих других терминах или словах, не имеющих бытийного содержания. В частности, как в упомянутых выше словах «АТР», или «Евразия». Или в словах типа «бог», «баба Яга», «соловей разбойник» и т.д. В обществе они есть, а в бытии нет. Проблема с термином «цивилизация» состоит в том, что, если из упомянутых слов/терминов (кроме слова «бог») не делают некий научный инструментарий познания, то из цивилизации пытаются сделать не просто такой инструмент, а целый научный подход и даже методологию взамен реальных научных инструментов и методов. Это в том же ряду как использование шаманства, астрологии, или предсказаний всяческих «визионеров» вместо науки.

Но если термин «цивилизация» не имеет понятийного содержания, то, не исключено, что он обладает свойствами категории не в качестве «понятия понятий», а в качестве индикатора, метки, рубрикатора, фиксатора некоторых явлений, которым объективно присуще свойство объединения в некую целостность если не на уровне интеграции, то хотя бы на уровне интернационализации, выражаясь экономическими терми-

нами¹. Думаю, что таким качественным ядром для этого термина может служить именно категория *формация*, которая делит историю человечества и по вертикали, и по горизонтали. Дело в том, что любая формация — это не только качественно отличающийся друг от друга общественный строй, но и этап в развитии человечества, наступающий в результате разложения предыдущей формации. И именно эту этапность может зафиксировать термин «цивилизация».

Пропуская стадию первобытного общества (стадия дикости и варварства — СПЖ составляла 18–20 лет), рабовладельчество явилось цивилизационной вехой, т.е. скачком вперед, по сравнению со стадией варварства (СПЖ — 28 лет). И хотя немало обществ на земле избежало этой стадии, но народы, проживавшие в районах современного Ближнего и Среднего Востока, а также северной Африки, и прежде всего Греция и Римская империя, испытали на себе рабовладельческий строй, который объективно породил следующую формацию — феодальную. По своему общему потенциалу развития эту формацию также можно назвать цивилизационной по сравнению с предыдущей, поскольку она распространялась практически на весь земной шар, хотя по критерию развитости — СПЖ, — по крайней мере в европейской части, она и уступала рабовладельчеству (25–27 лет). В Европе ответственность за такое низкое СПЖ лежит на религии. Но думаю, что в Японии и Китае она была все-таки выше. И тем не менее феодализм можно на-

1 Я здесь оставляю в стороне непростую тему взаимообращений понятий и категорий. Эта тема детально разработана в книге М.А. Булатова «Логические категории и понятия». Для первичного понимания этой взаимосвязи процитирую краткое объяснение из этой книги: «Понятие становится категорией, если к нему присоединена функция членения и синтезирования действительности, и наоборот, с отвлечением такой функции категория становится понятием. Между категорией и поднятием существуют промежуточные фазы, проходя которые первая из них обращается во второе, и наоборот» (162).

звать цивилизацией, поскольку объективно он все равно был продвижением вперед, породив следующую формационную ступень развития человечества — капитализм. Цивилизационный потенциал капитализма проявился не только в распространении его на весь земной шар, но и на главный критерий прогресса — СПЖ: в конце XVIII в. в Западной Европе средняя продолжительность жизни достигала 30 лет, а к 2000 г. (Западная Европа и Северная Америка) — 75–76 лет, а через 20 лет уже за пределы 80 лет.

Причем под категорией *цивилизация* (с точки зрения логики в значении рубрикации) попадают государства с различными культурами и религиями, причем такими разными как, скажем, культура Японии и США.

В то же время надо иметь в виду, что не весь мир попадает под капиталистическую цивилизацию, хотя некоторые элементы капитализма присущи всем обществам и государствам. Я имею в виду многие страны Африки, Латинской Америки, ЮВА, Ближнего и Среднего Востока, в которых доминантой является не капитализм, а архаичные структуры из предыдущих формаций.

Вряд ли в этом смысле можно говорить и о России, входящей в цивилизационное пространство, несмотря на капиталистическую систему. Ее отказ от социализма оказался с истерической точки зрения крайне уникальным, поскольку она откатилась не только в раннюю форму капитализма, но еще дальше — в феодализм. На это указывает не только идеология архаичного православия, но и феодальная структура государства во главе с авторитарным «царем», окруженным опричниной и почитаемым населением с мышлением времен Ивана Грозного. Первым признаком отката РФ назад является резкое снижение СПЖ до 159 места в мире (из 223 стран; 2023 г.) и продолжающееся сокращение населения. И в целом архаизация общества. Этот откат является одним из факторов анта-

гонистических противоречий с Западом, принявшего характер военного столкновения, формально произошедшего из-за Украины.

Исторически социализм приходит на смену капитализму, т.е. наступает цивилизация социализма со всеми его преимуществами перед капитализмом. И на какой-то исторический период он существовал на территории Восточной Европы в форме социалистического лагеря. СПЖ в СССР достиг уровня стран Западной Европы за период времени вдвое короче, чем это понадобилось странам Европы. Этот лагерь стал опережать и по другим параметрам страны капитализма (образование, медицина, наука). Тем не менее социализм не устоял не столько под напором давления со стороны Запада, сколько неспособности руководителей СССР объективно оценивать международную обстановку и собственные возможности к развитию на тот момент. И в данном конкретном случае цивилизационные преимущества социализма не были реализованы скорее вследствие субъективных факторов, чем объективных. Произошло саморазрушение, что является не редкостью в мировой истории, когда опережающие в своем развитии государства могут или вовсе исчезать, или откатываться назад (Китай в период Средневековья опережал Европу, а с момента перехода Европы на капиталистические рельсы стал серьезно от него отставать, еще более отставая от него, когда сам вступил на рельсы капитализма при Чан Кайши.) И в то же время тот же Китай, после 1949 г., перейдя к социалистическому строю, начал стремительное развитие, ныне став самой динамично развивающейся державой, что позволяет говорить о восхождении цивилизации с китайской спецификой.

Всеохватывающей социалистической цивилизацией станет мир только после того, когда все другие, по крайней мере, структурообразующие государства, перейдут на рельсы социализма, в результате чего начнется новый виток цивилизации,

освобожденной от эксплуатации человека человеком. Пиком такой цивилизации станет коммунизм как неизбежный путь развития человечества. Здесь не место подробно описывать восхождение к этой стадии. Здесь главное надо зафиксировать, определение термина «цивилизация», который можно сформулировать таким образом:

Цивилизация — это такая категория обществоведения, которая отражает развитие человечества по пути прогресса, в основе фиксации которого являются поступательные формационные переходы от одного этапа к другому, определяемые агрегатным критерием СПЖ.

Подводя итоги, еще раз следует подчеркнуть. Категория *цивилизация* не является научным инструментом познания, а всего лишь фиксатором, меткой определенной ступени развития человечества. У нее нет своих научных инструментов в отличие, скажем, даже от таких инструментариев системного подхода, теории сложности, синергетической методологии и т.д., или в целом буржуазного подхода анализа общества с набором понятий типа *демократия, рынок, авторитаризм* и т.д. Эта категория по сути является чисто рубрикаторским индикатором, выделяющим один период развития человечества от другого с уточняющей в данном случае категорией *формация* в отличие от размытых терминов как Средние века, Античность, Модерн и т.д. Кроме того, в данном случае категория *формация*, по крайней мере, намекает на поступательную направленность движения человечества. По своему содержанию категория *цивилизация* является значительно беднее содержания понятия *культура*, которое все-таки обладает научной значимостью, поскольку с его помощью анализируется определенный сегмент человеческого существования.

Таким образом, попытки российских антисоветчиков, демонтажников марксистского учения о формациях к науке не имеют никакого отношения, а являются элементарным стремлением уничтожить марксистское учение, которое им не удалось. Зато удалось уничтожить государство, в основе идеологии которого был марксизм. Это означает, насколько а) эффективны ложные идеологии, б) насколько легко массы поддаются на такие идеологии, и в) насколько серьезно надо противодействовать таким идеологиям. Ничуть не менее решительно, как делают это буржуазные власти против идеологии марксизма и социализма. Мягкость в этом вопросе крайне губительна. Гуманистическая — смертельна.

ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД¹

Согласно формационному подходу, автором которого был К. Маркс (Ökonomische Gesellschaftsformation), общество в своем развитии проходит через определенные, сменяющие друг друга этапы — общественно-экономические формации: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Как определение сформулирую его следующим образом:

Общественно-экономическая формация является ключевой категорией марксологии, которая, фиксируя определенный этап развития человечества, вскрывает содержание исторического типа общества, основанного на определенном способе производства, представляющего собой особую ступень в его развитии.

И хотя это определение охватывает все стороны общественной жизни, как и некоторые другие подходы, но, во-первых, оно рассматривает их в органической взаимосвязи, во-вторых, выделяет его главное ядро, стержень, каковым выступает «способ производства». Это дает возможность, в отличие от абстрактных рассуждений об обществе вообще, осуществлять конкретный анализ различных типов общества, развитие ко-

1 Я не исключаю, что нижеприведенный текст для тех, кто учился при социализме, покажется банальным, так сказать, азбучной истиной, но учитывая, что нынешнее поколение россиян не знакомо с марксистскими истинами, а западный читатель вообще о них не слышал, то я решил эти истины повторить, причем в упрощенном виде.

торых подчиняется присущим им специфическим законам.

Способ производства включает в себя производительные силы и производственные отношения. К производительным силам относятся средства производства и люди с их знаниями и практическим опытом в сфере экономики. Средства производства, в свою очередь, включают в себя предметы труда (то, что обрабатывается в процессе труда — земля, сырье, материалы) и средства труда (то, с помощью чего обрабатываются предметы труда — инструменты, оборудование, техника, производственные помещения). Производственные отношения — это отношения, которые возникают в процессе производства и зависят от формы собственности на средства производства.

В чем же выражается зависимость производственных отношений от формы собственности на средства производства? К примеру, в первобытном обществе средства производства являлись общей собственностью, поэтому и трудились все сообща, а результаты труда принадлежали всем и распределялись поровну. Напротив, в капиталистическом обществе средства производства (земля, предприятия) находятся в собственности частных лиц — капиталистов, поэтому и производственные отношения другие. Капиталист нанимает рабочих. Они производят продукцию, но распоряжается ею владелец средств производства. Рабочие только получают зарплату за свой труд.

Как же идет развитие общества согласно формационному подходу? Существует закономерность: производительные силы развиваются быстрее, чем производственные отношения. Совершенствуются средства труда, знания и навыки человека, занятого в производстве. Со временем возникает противоречие: старые производственные отношения начинают сдерживать развитие новых производительных сил. Для того чтобы производительные силы имели возможность развиваться дальше, необходима замена старых производственных отношений

новыми. Когда это происходит, меняется и общественно-экономическая формация.

Например, при феодальной общественно-экономической формации (феодализме) производственные отношения следующие. Основное средство производства — земля — принадлежит феодалу. Крестьяне за пользование землей выполняют повинности. Кроме того, они лично зависят от феодала, а в ряде стран были прикреплены к земле и не могли уйти от своего господина. Тем временем общество развивается. Совершенствуется техника, зарождается промышленность. Однако развитие промышленности сдерживается практическим отсутствием свободных рабочих рук (крестьяне зависят от феодала и не могут уйти от него). Как следствие — низкая покупательная способность населения (в основном там, где население состоит из крестьян, у которых нет денег и соответственно возможности приобретать различные товары), а значит, нет большого смысла увеличивать промышленное производство. Получается, что для развития промышленности необходимо заменить старые производственные отношения новыми. Крестьяне должны стать свободными. В результате ряда революций в Западной Европе (Франция, Великобритания), а также земельных реформ в Восточной Европе (Россия) были разорваны тесные феодальные узы между крестьянами и помещиками, что вырвало первых из-под контроля феодалов. Большинство крестьян, став свободными, попали на производство, т.е. в капиталистические отношения, основанные на законах частной собственности на средства производства и результатов труда. Так на смену феодальной приходит капиталистическая общественно-экономическая формация (капитализм). Она утверждается, повторюсь, либо в ходе реформ, либо в результате революции.

Как отмечалось выше, формационный подход исходит из того, что развитие общества различных стран и народов идет по

определенным ступеням: первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм и коммунизм. В основе этого процесса лежат изменения, происходящие в сфере производства. Сторонники формационного подхода считают, что ведущую роль в общественном развитии играют исторические закономерности, объективные законы, в рамках которых и действует человек. Общество неуклонно движется по пути прогресса, поскольку каждая последующая общественно-экономическая формация прогрессивнее предыдущей. Прогресс же связан с совершенствованием производительных сил и производственных отношений.

Основная особенность категории *формация* заключается в том, что она фиксирует не просто *движение* человечества в истории, что есть всего лишь непрерывность постоянно повторяющихся процессов, а именно *развитие*, которое предполагает не только смену формаций, но и качественное изменение внутри самой формации, способствующей обществу двигаться вперед, к прогрессу. Как раз данное утверждение, отраженное в практике, и вызывает наибольшее возражение у буржуазных ученых, которые выступают против коммунизма как последующей после капитализма формации. Для них история заканчивается на капитализме. Вследствие этого сама теория формации принимает мировоззренческий характер, выходя за рамки науки в сферу идеологии. И проявляется она уже в атаках на понятия *базис* и *надстройка*, определяющие категориальную сущность формации.

Но, прежде чем перейти к теме базиса и надстройки, сразу же следует отметить, что многие противники формационного подхода обращали внимание на то, что не все страны вписываются в эту «стройную» теорию последовательности формаций. Например, во многих странах не было рабовладельческой общественно-экономической формации. А что касается стран Востока, то их историческое развитие вообще

было своеобразным (что К. Маркс и не отрицал, определив это своеобразие как «азиатский способ производства»). И это действительно так. Но марксизм никогда и не уверял, что все страны обязаны развиваться под одну кальку. И совершенно ложно утверждение, что «советская историческая наука» настаивала, что все общества должны проходить все формации-«пятичленки». Наоборот, советская историческая наука бурно дискутировала по этому поводу: одни выдвигали концепцию шести формаций, другие — четырех, третья вообще так называемый многолинейный подход. По теме «азиатского способа производства» постоянно шли нескончаемые дискуссии, и их авторы не стеснялись атаковывать ученых-чиновников, занимавших высокие посты в аппарате ЦК. В качестве примера можно назвать нашумевшую в свое время книгу Н.А. Симония «Страны Востока: пути развития», в которой он критиковал теорию «пятичленки», одним из приверженцев которой был автор книги «Социализм и освободившиеся страны», написанной востоковедом-индологом Р.А. Ульяновским, работавшим референтом в Международном отделе ЦК КПСС¹. С критических позиций в отношении «пятичленки» была написана фундаментальная книга крупного китаиста В.Н. Никифорова «Восток и всемирная история»².

Некоторые противники марксизма указывают на «глобально-стадиальную, или глобально-формационную» концепцию Ю.В. Семёнова как противоречащую официальной исторической науке СССР, согласно которой ни одно общество не обязано проходить все формации. Последующие общества не проходят той стадии, на которой находились первые, не повторяют их движение. Выходя на магистраль человеческой исто-

1 Симония. Страны Востока: пути развития; Ульяновский. Социализм и освободившиеся страны.

2 Никифоров. Восток и всемирная история.

рии, они сразу начинают движение с того места, на котором остановились ранее некогда передовые общества. — Вновь ложь. Семёнов нигде не указывал источник такого положения ни у Маркса, ни у Энгельса. И это естественно, поскольку классики не утверждали такой глупости, хотя какой-нибудь из их последователей и мог ляпнуть такую чушь. Даже в официальной энциклопедии по философии оговаривается:

В то же время развитие отдельных стран и народов отличается значительным многообразием, которое проявляется, во-первых, в том, что не каждый народ проходит обязательно через все классовые формации, во-вторых, в существовании разновидностей или локальных особенностей, в-третьих, в наличии различных переходных форм от одной Ф. о.-э. к другой¹.

Маркс, Энгельс и Ленин многажды писали, что в истории существует отклонения, вплоть до отката назад, и даже самоуничтожения целых империй и «цивилизаций». Один из глубоких марксистов периода СССР, специально изучавший теорию формаций, В. Крылов писал:

Вывод: всемирная система капиталистических производственных отношений в силу имманентных ей самой законов базируется на *неоднородной в мировых масштабах* системе производительных сил: в узком кругу двадцатки развитых стран она имеет своим материальным фундаментом индустриальные производительные силы, а на периферии — неиндустриальное состояние производительных сил труда. В самих пока что чисто абстрактно-всеобщих законах капитализма как такового уже содержится возможность и необходимость распадения единого мирового потока капиталистического развития на две особые ветви, одна из которых будет осуществлять процесс на базе воспроизводства индустриальной формы труда, а другая — доиндустриальной его формы (в обеих ветвях процесс идет «заведомо иначе», «в иных формах», «с дру-

1 *Философский энциклопедический словарь*, 746.

гого конца», «в иной последовательности процессов» — все это определения В.И. Ленина¹.

Естественно, сказанное касается и других форм формации, а не только капиталистической. Но развитие человечества тем не менее продолжается именно благодаря тем обществам, государствам, которые я называю структурообразующими. Не имеет большого значения, прошли ли племена, например, живущие в Папуа-Новой Гвинее, все формационные стадии. Не они были источниками прогресса. А вот государства, скажем, расположенные вокруг Средиземного моря, выработавшие в себе гены движения вперед, эти стадии проходили, передавая свои генетические качества от древних греков через древних римлян последующим народным образованиям в Европе. То есть марксизм обобщал доминирующие тенденции развития тех обществ, которые определяли тенденцию движения человечества через его развитие в сторону прогресса. Поэтому обвинение классиков марксизма, что они что-то не учли или история развития племени на Полинезийских островах не вписывается в теорию формации, говорит только о том, что такие «ученые» просто не знают марксизма и не могут оценить реальных факторов и причин, которые определяют развитие человечества.

В связи с поднятыми выше проблемами, в частности касающимися теории формации и «азиатского способа производства», хочу обратить внимание на монографию процитированного выше В.В. Крылова, особенно на Часть вторую: «Специфика формационного развития обществ “Третьего мира”», которая, на мой взгляд, является самым глубоким исследованием как категории *формация*, так и ее применимости к развивающему миру.

1 Крылов. Теория формаций, 68.

Базис и надстройка

Любопытно, что противниками марксизма более острой атаке подвергается не категория *формация*, а именно ее структурные компоненты — понятия *базис* и *надстройка*, которые в их интерпретациях являются как бы самостоятельными, отделенными от своего родительского лона. В этом нет ничего удивительного, поскольку антагонистам марксизма кажется, что именно эта «двоица» содержит в себе такое противоречие, которое делает бессмысленным их использование для анализа общества. Что же это за противоречие?

Для начала хочу обратить внимание, что во всех словарях, где упоминается эта «двоица», они приводятся именно в паре, а не раздельно, поскольку их определения строятся на противопоставлении один к другому. В энциклопедии советского периода¹ они определяются следующим образом:

БАЗИС И НАДСТРОЙКА, категории исторического материализма, характеризующие структуру обществ.-экономич. формации и качеств. своеобразие составляющих её обществ. отношений, процесса их диалектич. взаимодействия. В совокупности Б. и Н. характеризуют конкретный облик определ. обществ.-экономич. формации. Б., являясь экономич. формой произв-ва, одновременно выступает как *содержание* надстроекных форм и отношений. Он составляет как бы «экономич. скелет» обществ. формации, к-рый с помощью Н. облекается «плотью и кровью». При этом под Б. следует понимать лишь совокупность господствующих производств. отношений, поскольку для характеристики обществ.-экономич. формации, её отличия от других формаций важна качеств. определённость господствующего типа производств. отношений, его доминирование в рамках данной формации (курс. мой. — А.Б.).

1 Философский энциклопедический словарь, 44.

В таком определении есть несколько «заусенцев», которые философски подкованному антимарксисту дают возможность для критики. Например, базис выступает как *содержание* надстроек форм. Базис не содержит в себе «надстроечные» формы, он порождает эти формы, содержание которых отражают конкретный тип базиса. Кроме того, сам базис не является «скелетом» формации. Он и без надстройки обладает «плотью и кровью», хотя естественно по принципу обратной связи с надстройкой впитывает в себя какие-то элементы надстройки, например, в качестве некоторых юридических норм в сфере экономических отношений. И это делается не с «помощью» надстройки, а с помощью диалектического взаимодействия двух процессов, происходящих в обществе. Здесь проявилась частая логическая ошибка, когда реальные процессы в обществе пытаются вложить в понятийное их значение, которое не может стопроцентно охватить ни одно понятие или категория. Любое понятие — это только схватывание *существенного* в явлении, и оно никогда не сможет слиться полностью с понятием, на чем настаивал в свое время Гегель.

Тем не менее даже в таком определении ясно основополагающее содержание базиса и надстройки: базис — это экономический фундамент общества, над которым выстраивается надстройка. Сам фундамент формируется на основе не всех явлений, которые присутствуют в экономических отношениях, а именно господствующих, доминирующих. Поскольку в принципе некоторые элементы экономических структур присутствуют во всех формациях, скажем, элементы того же капитализма при рабовладельчестве или феодализме и даже социализме, а именно выделяется господствующий тип собственности и экономических отношений. Учет всех названных факторов дает возможность на формационном уровне отделять один тип общества от другого, а не просто «Древний мир» или «Средние века».

Минусом в таком определении является то, что в нем не отмечена движущая сила, заставляющая одну формуацию переходить в другую. Ортодоксальные марксисты сразу же укажут на теорию классовой борьбы. Но проблема в том, что сама по себе классовая борьба есть следствие, отражение чего-то более фундаментального, каковым является противоречие между надстройкой и базисом. Маркс и Энгельс в своих работах показали, что обычно надстройка отстает от базиса. Последний, опережая в своем развитии надстройку, провоцирует противоречия, разрешение которых принимают различные формы от реформ до революций. Последние происходят тогда, когда противоречия, как говорили в советские времена, «между трудом и капиталом» доведены до крайности, до такой степени антагонизма, которые решаются только силой. Причем не обязательно это должно происходить одновременно во всех странах. Понятно, что революции формационного типа прежде всего начинаются в наиболее развитых и достаточно крупных. (К этой теме я вернусь в специальной главе.)

Теперь есть смысл отметить как интерпретируется эта связка в буржуазной социологии. Обычно главное возражение буржуазных социологов относительно теории формации заключается в том, что марксисты настаивают, что базис детерминирует надстройку, т.е. экономические отношения жестко определяют надстройку. В какой-то степени и ортодоксальные марксисты¹ рассматривали их взаимодействие в рамках жесткого детерминизма. Но, как отмечают британские авторы Социологического словаря, «Маркс и Энгельс никогда не придерживались доктрины детерминизма. Во-первых, они полагали,

1 Ортодоксальные или штампованные марксисты — это те, кто или буквально воспринимают каждое слово, сказанное Марксом, Энгельсом или Лениным, или те, которые переносят некоторые утверждения классиков, верные в свое время, но переставшие адекватно отражать современные реальности.

что надстроечные элементы могут быть относительно автономными по отношению к базису и иметь свои собственные законы развития. Во-вторых, они утверждали, что надстройка взаимодействует с базисом или оказывает на него влияние»¹.

Эти же авторы пишут, что некоторые марксисты пишут даже о том, что надстроечные элементы должны рассматриваться как условия существования базиса. «Эта идея, как полагают, связана с отказом от первичности экономики и приданием всем институтам общества равной причинной значимости» (там же).

Такие марксисты явно не знакомы с суждениями Энгельса, который говорил, что первичность устанавливается в начале возникновения некого процесса, который в дальнейшем перемалывает элементы первичности и вторичности именно в сам процесс. И мы только на философском уровне, на уровне понятий устанавливаем некие иерархии для удобства анализа, по мере возможностей стараясь отразить их поведение в самой реальности. Первичность же экономики и вторичность надстройки (систему мышления, общественные структуры и т.д.) как раз хорошо просматриваются именно в начальный период возникновения человечества. Или, например, в жизни современных племен. Естественно, по мере его развития они переплетаются, а их иерархия прослеживается уже при детальном анализе того или иного явления, или процесса на тот или иной исторический момент.

Прежде чем сформулировать свое определение понятиям *базис* и *надстройки*, хочу обратить внимание на такой важный момент, который обычно ускользает от внимания ученых.

В упомянутом Социологическом словаре британских авторов есть такое уточнение: «Экономика с этой точки зрения состоит из трех элементов: работника, средства производства

1 Социологический словарь, 34.

(которые включают в себя как используемые материалы, так и средства, с помощью которых эта работа выполняется) и того, кто присваивает продукт» (там же).

В этом определении «работник» отделен от «средств производства». Однако, в реальности работник/человек сам по себе является средством производства, точнее одним из средств производства. Это, казалось бы, неожиданное утверждение логически доказывается упоминавшимся марксистом В. Крыловым, который анализировал данное явление в духе Маркса. Он пишет:

Но в действительности всякое производство имеет и другую сторону, оно есть и отношение людей друг к другу, и это обязывает нас, вслед за Марксом, рассмотреть категорию средств производства и орудий труда и под этим углом зрения. Однако «определенность» средств производства тотчас исчезает, как только мы признаем, что в рамках отношения людей друг к другу одним группам людей вне их самих противостоит не только немыслимая природа, но и другие группы людей. А это означает, что одни группы людей могут использовать других людей в роли того, чем они воздействуют на природу, т.е. в роли орудия труда. Человек, следовательно, попадает здесь в категорию «средства производства» (курс. мой — А.Б.)¹.

Я привел это утверждение Крылова для того, чтобы указать на то, что в нижеследующем моем определении базиса я так же, как и он, под «средствами производства» подразумеваю в том числе и людей/работников.

1 Крылов. Теория формаций, 35.

Мое определение этих понятий таково:

Базис и надстройка — понятия марксологии, которые являются имманентными структурами категории общественно-экономической формации, внутри которой базис представляет собой своего рода экономический фундамент формации, состоящий из средств производства, внутренние взаимоотношения между которыми формируют общие производственные, или экономические отношения, а надстройка — все виды общественных структур, взаимоотношения между которыми (базисом и надстройкой) происходят на основеialectического противоречия, результатом которых является изменение формаций в сторону прогресса.

* * *

Хочу напомнить читателям, что проанализированные в данном теоретическом очерке важные понятия и категории марксологии ими не ограничиваются. Лексикон марксологии достаточно многообразен, а главное, он по своему содержанию кардинально отличается от лексикона буржуазной социологии, которая «разговаривает» не на уровне понятий и категорий, а на языке слов, в лучшем случае терминов. В последующем я намерен проанализировать другие понятия и категории марксологии, которые составляют научный каркас марксистского учения. На очереди категория — *революция*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арин Олег [Алекс Бэттлер]. Словарик религиозных и этических терминов от Арина // Арин Олег. Атеизм: религии бой. — SCHOLARICA, 2022.

Арин, Олег [Алекс Бэттлер]. Наука о Боге. Том IV. Христианство и политика. Издательство SCHOLARICA, 2021).

Арин Олег [Бэттлер, Алекс]. Наука о Боге. Том I. Феноменологии Библии. М.: Издательство ИТРК, 2019.

Бердяев Н. Кризис искусства, Москва: Интерпринт, 1990.

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. Финляндия, 1990.

Бойцова О.Ю. «Цивилизация» как политико-философский концепт // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Растворгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия. 2016.

Булатов М.А. Логические категории и понятия. Киев: Наукова думка, 1981.

Бэттлер, Алекс. Современные международные отношения. Политика великих держав: теория и практика. Курс лекций. Изд-во SCHOLARICA, 2022.

Бэттлер, Алекс. «Евразия»: иллюзии и реальность. М.: ИТРК, 2018.

Бэттлер, Алекс. Теория «чистой политики» во внешней политике современных государств // Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. Том II. Борьба всех против всех. Москва: ИТРК, 2015.

Бэттлер А. Диалектика силы: онтобия. М.: Едиториал УРСС, 2005.

- Гуревич П.С. Культурология: Учебник. М.: УИЦ «Гардарики», 1999.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб. Изд-во С. Петербургского университета, изд-во «Глаголь», 1995.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007.
- Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
- Крылов В.В. Теория формаций. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
- Любимов Л., Е. Яровая. Социально-экономическое содержание исторического процесса (на примере США) (Статья первая) // МЭ и МО, 1990, № 5.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (МЭ). Сочинения. Изд. второе. М.: Политиздат, 1955–1981.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // МЭ, т. 46, ч. 1.
- Материалы Московской конференции по европейской безопасности: МО. 24.05. 2014.
- Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки; Статьи. М.: «Прогресс», «Пантея», 1995.
- Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Изд-во «Практика», 2014.
- Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М.: Наука. ГРВЛ, 1977.
- Поздняков Э. Извечные загадки науки глазами дилетанта», 2005.
- Поздняков Э. Формационный и цивилизационный подходы // МЭ и МО, 1990, №5.
- Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.
- Полетаев А. А есть ли смысл в «цивилизационном подходе»? // МЭ и МО, 1991, № 6.
- Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука. ГРВЛ, 1975.

Современные международные отношения и мировая политика. Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Социологический словарь. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ. И.Г. Ясавеева под ред. С.А. Ерофеева. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2004.

Студенцов В. Общевиализационный и формационный подходы: скептический взгляд // МЭ и МО, 1991, № 6.

Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. Москва: Памятники исторической мысли, 2008.

Тойнби А. Цивилизация перед судом истории // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Пер. с англ. М.: «Прогресс» – «Культура», 1996.

Тойнби А. Дж. Постижение истории (сборник). Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.

Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972.

Февр Л. Бои за историю. Пер. с фр. М.: Наука, 1991.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство ACE», 2003.

Чешков М. Понимание целостности мира: в поисках неформационной парадигмы // МЭ и МО, 1990, № 5.

Яковец Ю.В., Е.Е. Растворцев. Доклад. Большая Евразия. 2017.

Beck, Roger B.; Linda Black; Larry S. Krieger; Phillip C. Naylor; Dahia Ibo Shabaka. World History: Patterns of Interaktion. Evanston, Ill.: McDougal Little, 1999.

Bogucki, Peter. The Origins of Human Society. Malden, Mass. (U.S.): Wiley Blackwell, 1999.

Civilizations and World Order Geopolitics and Cultural Difference. Edited by Fred Dallmayr, M. Akif Kayapınar, and İsmail Yaylacı. Foreword by Ahmet Davutoğlu. New York: Lexington Books, 2014.

Civilizational dialogue and world order. The other politics of cultures, religions, and Civilizations in International relations. New York: Palgrave MacMillan, 2009.

De Bary, Wm. Theodore. East Asian civilizations. A dialogue in five stages. London: Harvard University Press, 1988.

Ferguson, Niall. Civilization. The West and the Rest. London: Penguin Books, 2011.

Gibbon, Edward. Decline and Fall of the Roman Empire, 2nd ed., vol. 4, ed. by J. B. Bury. London, 1909.

Introduction to Sociology. Anthony Giddens, Mitchell Duneier, Richard P. Appelbaum, Deborah Carr. New York * London: W. W. Norton & Company, Inc., 2007.

Key concepts in cultural theory. Edited by Andrew Edgar and Peter Sedgwick. London and New York: Routledge, 1999.

Lee, Richard Borshay; DeVore, Irven, eds. Man the Hunter: The First Intensive Survey of a Singl, Crucial Stage of Human Development – Man's Once Universal Hunting Way of Life. With the assistance of Jill Nash-Mitchell (1st ed.). Aldine, 1968.

Mennell, Stephen. Decivilising Processes: Theoretical Significance and Some Lines of Research // International Sociology. June 1990.

Ward-Perkins, Bryan. The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford University Press, 2006.

Основные научные работы А. Бэттлера / О. Арина

- За гранью искусства. Критический анализ (2024)
- Современные международные отношения. Политика великих держав: теория и практика. Курс лекций (2022)
- Россия: шествие на казнь (2022)
- Россия vs Запад: реванш (2022)
- Атеизм: религии бой! (2022)
- Наука о Боге. Том VI. Религия: действие и противодействие (2022)
- Наука о Боге. Том V. Религия: наука и общество (2021)
- Наука о Боге. Том IV. Христианство и политика (2021)
- Царская Россия: крах капитализма (конец XIX – начало XX века). (2020)
- ЕВРАЗИЯ.: иллюзии и реальность (2018, 2019)
- Наука о Боге. Том III. Философия христианства (2019)
- Наука о Боге. Том II. Идеология христианства (2019)
- Наука о Боге. Том I. Феноменология Библии (2019)
- Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. Том II. Борьба всех против всех (2015, 2019, 2021)
- Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. Том I. Введение в мирологию (2014, 2019, 2021)
- Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала) (2008, 2009, 2013; 2019)
- Диалектика Силы: Онтобия (2005, 2008, 2013, 2019)

О любви, семье и государстве (2006, 2008, 2020)

Двадцать первый век: мир без России (2001, 2002, 2004, 2005, 2020)

Россия на обочине мира (1999, 2019)

Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (теория и практика) (1986)

Опубликовано:

<https://play.google.com/store/books/details?id=XkshEQAAQBAJ>

Алекс Бэттлер

Марксология:
Цивилизация против Формации

Компьютерная верстка,
изготовление оригинал-макета
Оформление обложки — В. Бэттлер

GGKEY:1U2YDPTC4PY

Scholarica®
2024